

# МИЦКЕВИЧ НАКАНУНЕ ВОССТАНИЯ ДЕКАБРИСТОВ

## МИЦКЕВИЧ В ОДЕССЕ

Статья С. Я. Борового

Мицкевич прожил в Одессе с февраля по ноябрь 1825 г., того самого года, когда «Россия впервые видела революционное движение против царизма»<sup>1</sup>. Эти девять месяцев были значительным этапом в творчестве великого польского поэта.

Прибыв в ссылку как бы на смену своему великому русскому собрату Пушкину (уехал из Одессы 31 июля 1824 г.), Мицкевич создал там немало замечательных произведений. Жизнь в Одессе дала поэту множество новых впечатлений, укрепила его разнообразные связи с представителями братских народов — русского и украинского.

Одесский период жизни Мицкевича рассматривался до сих пор преимущественно в плане изучения его личной биографии. Между тем этот период важен и с точки зрения общественно-политической деятельности поэта.

Материалы, хранящиеся в Одесском государственном областном архиве (в фонде Одесского лицея), до сих пор не опубликованные полностью, а также официальные документы, письма и мемуары, оставшиеся неисследованными, дают возможность воссоздать конкретно-историческую обстановку жизни Мицкевича в Одессе и выяснить его общественные связи.

Изучая жизнь Мицкевича в Одессе, мы, несмотря на неполноту сохранившегося материала, находим нити, которые тянутся к событиям и людям, так или иначе связанным с декабризмом.

Тема «Мицкевич в Одессе», рассматриваемая в общественно-политическом плане, неизбежно перерастает в тему «Мицкевич накануне восстания декабристов», и в этом ее особый научный интерес.

### I. ИСТОРИЯ ВОПРОСА

Исследователи буржуазно-националистического толка, изучая биографию Мицкевича, уделяли немало внимания его жизни в Одессе (Влад. Мицкевич, Хмелевский, Калленбах, Ржонжевский, Шпотанский и др.)<sup>2</sup>. В этих работах собран большой фактический материал, который может служить комментарием к циклу лирических произведений, написанных Мицкевичем в Одессе. Но эти работы почти ничего не дают для идейно-политической биографии поэта: наоборот, на их основе возникает ложное и одностороннее представление о внутренней жизни поэта в одесский период, который биографы сводят к одним только любовным увлечениям. Связям Мицкевича с представителями передовой русской и польской общественности, а также характеристике общественно-политической жизни Одессы того времени в этих работах не уделено внимания.

В этом плане показательным примером служит труд Ю. Клейнера, который как бы подводит итоги буржуазного мицкевиеведения. В первом томе своей монографии Клейнер подробно анализирует лирические произведения Мицкевича, написанные в Одессе. На этих страницах рассыпано много ценных наблюдений. Жизнь же поэта в Одессе описана всего на четырех страницах, причем автор самой подробной из существующих биографий Мицкевича обходит *полным молчанием* вопрос об общественном окружении поэта в Одессе, о его связях с представителями польских и русских политических течений. Та же односторонность свойственна и этюду Ю. Третьяка, известного исследователя творчества Мицкевича, «Мицкевич в Одессе»<sup>3</sup>.

В 1857 г. на страницах ноябрьской книжки журнала «Biblioteka Warszawska» появилась глава из воспоминаний Фр. Ковальского «Одесса. Ад. Мицкевич и Пушкин»<sup>4</sup>. В мемуарной литературе трудно найти другой образец столь грубого искажения фактов. Так, Ковальский рассказывает, будто в первый же день пребывания в Одессе он, ужиная с друзьями в ресторане гостиницы «Du Nord», предложил выпить за здоровье Мицкевича и Пушкина. Он пригласил присоединиться к тосту двух незнакомцев, сидевших за соседним столиком. Каково же было его удивление, — продолжает рассказывать Ковальский с невозмутимостью барона Мюнхгаузена, — когда на другой день он узнал, что тот, с кем он чокнулся за здоровье Пушкина, был Мицкевич, а тот, с кем чокнулся за здоровье Мицкевича, — Пушкин. Нужно ли напоминать, что Мицкевич приехал в Одессу через *семь месяцев* после отъезда Пушкина<sup>5</sup>.

На хронологические несообразности, заключавшиеся в воспоминаниях Ковальского, указал тогда же профессор Одесского лицея К. П. Зеленецкий. Используя материалы лицейского архива в специальной «Заметке о Пушкине и Мицкевиче», он привел точные даты пребывания Мицкевича в Одессе в доказательство того, что Мицкевич с Пушкиным встретиться там не мог<sup>6</sup>.

Ковальский в письме в редакцию журнала вынужден был признать свою ошибку. Он оправдывался тем, что — по его словам — в Одессе в 1825 г. имена Пушкина и Мицкевича «назывались всегда рядом, так что невозможно было отделить одного от другого»<sup>7</sup>.

К сожалению, не много материала дают и воспоминания друга Мицкевича — Кароля Качковского, участника восстания 1831 г., встречавшегося с поэтом в Одессе<sup>8</sup>. И в этих воспоминаниях, наряду с действительными фактами, повторяется легенда об одесских встречах Мицкевича с Пушкиным. В воспоминаниях содержатся и другие неточности. Так, например, Качковский утверждает, будто среди участников известного путешествия в Крым был и Малевский.

Отдельные факты, относящиеся ко времени пребывания Мицкевича в Одессе, можно извлечь из записок его дочери Марии, которая записала некоторые рассказы, слышанные ею из уст отца еще в детстве<sup>9</sup>.

В 1884 г. в журнале «Ateneum» была опубликована работа А. Ржонжевского (под псевдонимом Aër)<sup>10</sup>. Эта статья в кратком изложении И. Кучинского скоро сделалась известной русскому читателю<sup>11</sup>. Ржонжевский очень ограничил свою задачу: он совершенно не затронул политической биографии Мицкевича. Дав литературный анализ произведений, написанных в Одессе, Ржонжевский попытался раскрыть «секреты» интимной жизни поэта.

В основу своего труда Ржонжевский положил сведения, полученные им от Каролины Собаньской, с которой он встретился в Париже. Героиня одесского романа Мицкевича (а за год до этого, по многим данным, предмет увлечения Пушкина<sup>12</sup>), в момент встречи с Ржонжевским приближалась уже к концу девятого десятка, но сохраняла, по словам ее собесед-



АДАМ МИЦКЕВИЧ  
Рисунок А. О. Орловского, 1828 г.  
Русский музей, Ленинград

ника, «доброе здоровье и полную память»<sup>13</sup>. Впрочем, Собаньская в беседе с Владиславом Мицкевичем (сыном и биографом поэта) сама дезавуировала ценность того, что было ею рассказано Ржонжевскому. По ее словам, Ржонжевский пришел к ней с рекомендательным письмом князя Чарторьского и — поясняет она — «говорила я с ним только чтоб ничего не сказать» («mais avec lui je n'ai parlé que pour ne rien dire») <sup>14</sup>.

Довольно скудные сведения об одесском периоде жизни поэта можно найти в переписке Мицкевича, а также в письмах его друга Малевского <sup>15</sup>.

Документальный материал, освещающий жизнь Мицкевича в Одессе, впервые был опубликован профессором Варшавского университета Ф. Вержбовским в 1898 г. <sup>16</sup> Вержбовский напечатал основные документы, касающиеся Мицкевича, из числа тех, что сохранились в архиве Одесского лицея. Каких-либо комментариев к напечатанным документам Ф. Вержбовский не дал. Как показали наши поиски в том же архиве, несколько важнейших документов остались, из цензурных соображений, вовсе не опубликованными или были опубликованы не полностью. Так, ненапечатанными оказались интересные документы, связанные с политической слежкой за Мицкевичем.

Более широкую задачу поставил перед собой А. А. Рябинин в статье «Адам Мицкевич в ссылке в Одессе в 1825 г.», помещенной в 1925 г. в «Былом» <sup>17</sup>. Положив в основу документы, хранящиеся в одесском архиве, но не исчерпав материалы архива до конца, автор попытался дать очерк жизни Мицкевича в Одессе. Однако литература вопроса осталась Рябинину совершенно неизвестной. Он даже не подозревал о существовании публикации Вержбовского. Незнакомство с биографическими материалами (даже с теми, которые приводятся в популярных жизнеописаниях поэта) не позволило исследователю правильно истолковать некоторые факты, впервые установленные им самим.

Других статей, специально посвященных пребыванию Мицкевича в Одессе, мы не знаем.

Следует отметить, что в новых работах советских исследователей (Д. Д. Благой, М. А. Цявловский, М. Ф. Рыльский, М. С. Живов, Г. Д. Вервес и др.) особенно большое внимание уделено выяснению вопроса о влиянии декабристов на формирование мировоззрения Мицкевича и правильно констатируется большое значение одесского периода в политической биографии великого польского поэта <sup>18</sup>.

Литературоведы народной Польши, поставив перед собою задачу создания подлинно научной биографии Мицкевича, написанной с позиций марксизма-ленинизма, отдают себе отчет в том, что важнейшим условием успешного осуществления этой большой задачи является тщательнейшее и углубленное изучение годов пребывания Мицкевича в России и на Украине. Шляхетское и буржуазно-националистическое мицкевичеведение, создавая реакционную легенду о Мицкевиче, всячески искажая его подлинный общественно-политический облик, особенно много «потрудились» над тем, чтобы создать ложное, находящееся в вопиющем противоречии с исторической правдой представление именно об этом важнейшем — в идеологическом и творческом плане — этапе жизни Мицкевича.

Как пишет в своем программном труде, намечающем основные задачи современного мицкевичеведения, Ст. Жулкевский, буржуазные историки создали совершенно ложный облик Мицкевича в годы его пребывания в России. Они изображали его «в виде внимательного ученика польских мистиков в Петербурге, завсегдадая дамских будуаров в Одессе, а потом одиноким в Москве». Жулкевский указывает, что буржуазные литературоведы нарочито обходили молчанием важнейшие моменты биографии Мицкевича, в частности вопрос о его связях с декабристами. Так, напри-

мер, — отмечает этот автор, — Ю. Клейнер в своей обширной биографии Мицкевича вопрос о связях Мицкевича с декабристами изложил на двух страницах, а «проблеме» личных взаимоотношений поэта и К. Собаньской уделил значительно больше места. Действительно, знакомство с основной литературой о Мицкевиче подтверждает правильность утверждения Жулкевского, что «буржуазная историография не интересовалась биографией там, где это нужно было, а там, где это не нужно было, злоупотребляла биографическим методом»<sup>19</sup>.

Необходимо подчеркнуть, что литературоведы народной Польши (М. Яструн, Л. Подгорский-Околув, С. Фишман, Л. Гомолицкий, Г. Шипер и другие) много сделали для преодоления ложных концепций буржуазно-националистической историографии. В частности, они провели большую работу по выявлению, популяризации и осмыслению скудных данных о пребывании Мицкевича в России и на Украине. В их работах справедливо подчеркивается исключительное значение для общественно-политического развития Мицкевича этого периода, его интенсивного приобщения к наиболее передовой идеологии своего времени, особой роли, которую сыграла связь с декабристами — этими лучшими сынами братского русского народа, — в духовном развитии поэта. Современное мицкевиеведение все более укрепляется в убеждении, что месяцы пребывания в Одессе были первым шагом на путях Мицкевича к реализму<sup>20</sup>.

Однако в рамках этих работ советских и новых польских литературоведов одесский период мог рассматриваться только в общих чертах, без привлечения к исследованию значительного фактического материала.

Таким образом, приходится констатировать, что до сих пор в огромной литературе о Мицкевиче нет работ, в которых была бы дана достаточно полная сводка фактов, рисующих конкретно-историческую обстановку жизни Мицкевича в Одессе, и были бы прослежены его общественные связи.

В свете приведенной краткой историографической справки видно, что эта задача является одной из важнейших среди тех, которые поставлены сейчас перед биографами Мицкевича. В предлагаемом очерке сделана посильная попытка хотя бы частично выполнить эту задачу.

## II. НАКАНУНЕ ССЫЛКИ В ОДЕССУ

В конце 1823 г. в Вильне царским правительством были раскрыты польские патриотические тайные организации филаретов и филоматов; 23 октября был арестован и Мицкевич, один из организаторов кружка филоматов.

В нашей работе останавливаться подробно на выяснении роли этих кружков в общественно-политической жизни Польши было бы неуместно, тем более что при современном состоянии изучения этого вопроса многое остается еще неясным. «Трудно со всей точностью определить революционную роль организации филоматов и филаретов», — пишет новейший биограф Мицкевича<sup>21</sup>.

Тем не менее совершенно ясно, что общество филоматов (создано в 1817 г.) и общество филаретов (создано в 1820 г.) должны рассматриваться как важнейшие проявления нового подъема национально-освободительного движения в Польше. Общества объединили передовую молодежь, оппозиционно и даже революционно настроенную по отношению к царскому правительству и критически — по отношению к социально-политической действительности тогдашней Польши. Эта молодежь стремилась отстоять польскую национальную самобытность в борьбе с царской деспотической властью и антинациональными космополитическими тенденциями польского магнатства, склонного к сговору с царизмом; в царизме

магнаты видели лучшего защитника крепостнических порядков и своих классовых привилегий.

Однако преувеличивать роль филоматов и филаретов в развитии революционного движения и революционной мысли в Польше было бы ошибочно. Некоторым членам этих организаций действительно были присущи демократические тенденции и склонность к революционным решениям, но в мировоззрении большинства сохранялись сильнейшие элементы шляхетской классовой ограниченности, реакционные националистическо-романтические иллюзии. Многие из членов общества филоматов и филаретов стояли на весьма консервативных позициях в важнейших вопросах тогдашней польской действительности (в частности, в вопросе о взаимоотношениях с русским, украинским и белорусским народами и в крестьянском вопросе).

Мицкевич, которому в те годы было немногим более двадцати лет (он родился в 1798 г.), оказался на голову выше подавляющего большинства участников шляхетского национально-патриотического движения двадцатых годов. Ему в гораздо большей степени, чем им, удалось преодолеть шляхетскую ограниченность и выработать передовые взгляды на коренные социальные и национальные проблемы, поставленные перед Польшей ходом исторического развития. Поэтому следует говорить не столько о влиянии филоматов и филаретов на формирование мировоззрения Мицкевича, сколько об идейном влиянии Мицкевича на членов этих кружков, о той роли, какую он играл в развитии наиболее прогрессивных взглядов участников этих обществ<sup>22</sup>. Это ни в какой мере не умаляет, конечно, роли филоматского и филаретского обществ в биографии Мицкевича. Именно здесь Мицкевич впервые приобрел практическую закалку как общественный деятель и укрепился в сознании национально-политической и общественной значимости своего литературного пути.

Мицкевич был не только одним из организаторов филоматского кружка. Его литературная деятельность, которая объективно знаменовала собой новый этап в идейной и общественной жизни Польши, началась за несколько лет до ареста. Поэзия Мицкевича самой своей сущностью отрицала окостенелые литературные каноны реакционных польских классицистов — их абстрактную рассудочность, их отрешенность от реальных противоречий жизни. Уже в первый, так называемый виленско-ковенский период в творчестве Мицкевича, несмотря на нечеткость его политических взглядов, громко звучат демократические и патриотические идеи. Во второй части «Дзядов» Мицкевич с глубоким негодованием заклеивал крепостное право, которое разъедало организм старой Польши и порождало непримиримую классовую рознь между польским панством и польским крестьянством<sup>23</sup>.

Следующий этап творческой биографии Мицкевича — пора пребывания в России и на Украине (Петербург — Одесса — Москва — Петербург) — стал порою наибольшего приближения его общественно-политических взглядов к передовой идеологии эпохи. Это было, в первую очередь, результатом общения с лучшими представителями братского русского народа.

Напомним в самых общих чертах события, которые привели Мицкевича через Петербург в Одессу.

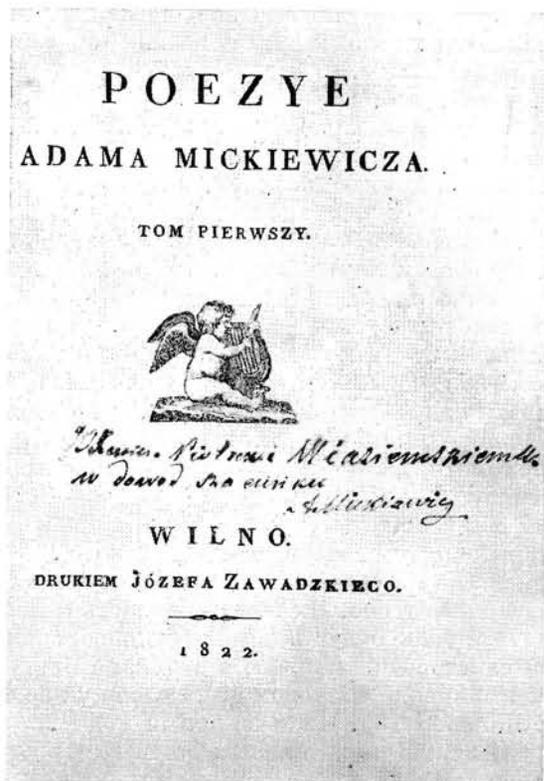
В виленской тюрьме Мицкевич находился до конца октября 1824 г. В «Журнале Комитета, высочайше учрежденного для рассмотрения дел, относящихся до беспорядков, случившихся в Виленском университете», судьба Мицкевича и его ближайших товарищей была определена следующим образом: «Десять человек филоматского общества, кои посвятили себя учительскому званию, а также и тех из филаретов, кои оказались деятельнейшими по предосудительным видам сего общества, не ос-

«СТИХОТВОРЕНИЯ» АДАМА  
МИЦКЕВИЧА, ИЗДАНИЕ 1822 г.,  
ВИЛЬНО. ЭКЗЕМПЛЯР С ДАРСТВЕННОЙ  
НАДПИСЬЮ АВТОРА  
П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

Перевод: «Князю Петру Вяземскому  
в знак уважения. А. Мицкевич»

Титульный лист первого тома

Библиотека СССР им. В. И. Ленина,  
Москва



тавляя в польских губерниях, где они думали распространить безрассудный польский национализм посредством обучения, предоставить министру народного просвещения употребить по части училищной в отдаленных от Польши губерниях, впредь до разрешения им возвратиться на свою родину»<sup>24</sup>.

Освобожденный из виленской тюрьмы, Мицкевич, вместе с несколькими товарищами по университету и филематскому обществу, был направлен в Петербург, в распоряжение министра народного просвещения.

Как известно, Мицкевич во время своего короткого пребывания в Петербурге (с ноября 1824 г. по январь 1825 г.) успел завязать дружеские связи с видными представителями передовой русской общественности и литературы, в том числе с декабристами Александром Бестужевым и Рылевым.

Развитию дружеских отношений между Мицкевичем, Бестужевым и Рылевым, возникших на основе близости их литературно-общественных и идейных интересов, особенно способствовало то обстоятельство, что Бестужев и Рылеев владели польским языком<sup>25</sup>. Рылеев хорошо знал польскую литературу, высоко ценил ее и перевел несколько произведений польских поэтов. С творчеством Мицкевича Рылеев познакомился в то время, когда Мицкевич только начал выступать на литературном поприще и еще до личной встречи с ним перевел его стихотворение «Лилии».

Недавно была высказана догадка, что указанное стихотворение Мицкевича Рылеев получил при посредничестве профессора русского языка и литературы Виленского университета Ивана Николаевича Лобойко (1786—1861). Бывший член «ученой республики» (Вольного общества любителей российской словесности), хороший знакомый Рылеева, Лобойко был также дружески связан с Мицкевичем и его сотоварищами по обществу

Филаретов. Не лишено вообще основания предположение, что Лобойко мог сыграть известную роль как связующее звено между филаретами и декабристами<sup>26</sup>.

Возможно, что во время первого своего пребывания в Петербурге Мицкевич познакомился и с Грибоедовым. М. В. Нечкина, говоря о письмах Рылеева и Бестужева к Туманскому, справедливо заключает: «... дата письма и дружеский круг, в котором оно возникло, дают все основания поставить вопрос о знакомстве Грибоедова с Мицкевичем»<sup>27</sup>.

В новый дружеский круг Мицкевич вошел не один. С Бестужевым и Рылеевым сблизился тогда же Малевский и Ежовский.

Ежовский и Малевский были близкими друзьями Мицкевича и по Виленскому университету, и по филломатско-филаретскому делу. Они были среди тех четырех, которым он посвятил свою первую книжку «Поэзий» (1822 г.). В приговоре имени Мицкевича и Ежовского стояли почти рядом (номера 109 и 112), а их «вина» была сформулирована совершенно одинаково: «...он сознался, что находился членом в обществе филломатов, а, не будучи якобы членом филаретов, бывал иногда на заседаниях их»<sup>28</sup>.

Быть может, это совпадение в показаниях свидетельствовало о предварительномговоре между друзьями.

В Петербурге Мицкевич, Ежовский и Малевский сошлись, очевидно, еще более тесно. Их общая близость к Бестужеву, считавшему этих троих друзей (как будет показано дальше) своими единомышленниками, засвидетельствована записью в дневнике Бестужева. 31 декабря 1824 г. Бестужев записал: «Вечером до 11 часов у нас сидели Мицк(евич), Еж(овский) и Малев(ский). Пили за новый год»<sup>29</sup>.

В эти месяцы пребывания в Петербурге, в период интенсивного общения Мицкевича с деятелями русской культуры, в официальных канцеляриях решалась его ближайшая судьба.

Министр народного просвещения Шишков, выяснив, что присланные в его распоряжение лица в большинстве своем, «по несовершенному знанию русского языка, не могут преподавать наук на сем языке и, следовательно, не могут принести большой пользы русским училищам», возбудил ходатайство о направлении их на учительские должности в польские губернии. Фактически это означало бы полную амнистию. Но ходатайство Шишкова было отклонено. Министр получил подтверждение прежней резолюции: «здесь в Петербурге никого не оставлять, а разместить по их желанию и способностям в другие, только не в Польше, города, сделав нужные для них пособия»<sup>30</sup>.

В ответ на соответствующий запрос Мицкевич и Осип Ежовский ответили, что они желают «отправиться в Одессу или в Харьков и определиться на службу», которой соответствовали бы их способности. Через некоторое время Мицкевич более точно выразил свое желание, сделав на заявлении следующую приписку (на русском языке): «Нижеподписавшийся объявил желание служить при Ришельевском лицее. Адам Мицкевич»<sup>31</sup>.

Биографами Мицкевича уже отмечалось, что Шишков обнаружил по отношению к поэту и его друзьям известную снисходительность. Некоторые в этой снисходительности увидели проявление славянофильских тенденций<sup>32</sup>; другие говорили о заступничестве жены министра, польки по происхождению<sup>33</sup>. Скорее всего в данном случае решающую роль сыграло влияние русских друзей Мицкевича из литературной среды. Николай Малиновский вспоминал: «...новые друзья поэта чрезвычайно ловкими, хоть и тайными, путями сумели придать делу такое направление»<sup>34</sup>. Цитируя эти слова мемуариста, Владислав Мицкевич указывает, что Малиновский ошибся, приписав Волконскому, Жуковскому и Вяземскому заслугу заступничества за поэта, так как Мицкевич сблизился

с ними уже после возвращения из Одессы. По словам сына писателя, остается неизвестным, кто был действительным ходатаем за Мицкевича<sup>35</sup>.

Так или иначе, но Мицкевич, выбирая место жительства, получил возможность руководствоваться собственным желанием, в тех рамках, которые предоставлял ему приговор.

Можно считать установленным, что мысль об Одессе и Харькове, как о наилучших местах ссылки, пришла Мицкевичу и Ежовскому еще до их отъезда в Петербург. Сравнительно недавно был обнаружен черновик письма ректора Виленского университета Твардовского (от 24 сентября 1824 г.) Новосильцеву. Ректор писал, что Ежовский и Мицкевич, ссылаясь на состояние своего здоровья, требующего благоприятного климата, настойчиво просят предоставить им работу в Одесском лицее или Харьковском университете. Ректор обращал внимание Новосильцева на то, что Мицкевич является «даровитым польским писателем» («un bon écrivain polonais»), а в Харьковском университете есть кафедра польской литературы, и Мицкевич был бы счастлив, если бы она была ему доверена. В случае отказа Мицкевич просил предоставить ему должность библиотекаря в Одессе, а если и в этом было бы отказано, — хотел заняться изучением восточных языков в Казанском университете<sup>36</sup>.

Что же влекло Мицкевича в Харьков и в Одессу и почему он остановил окончательный выбор на Одессе?

Харьков и Одесса были единственными городами из расположенных поблизости от так называемых «бывших польских губерний», где находились высшие учебные заведения. Хотя в Одессе, в отличие от Харькова, не было тогда университета, а был только лицей, она должна была привлечь Мицкевича репутацией оживленного культурного города, одного из центров оппозиционных и революционных настроений.

Но, может быть, кроме этих основных соображений Мицкевич и Ежовский выбрали Одессу еще и по другой причине. Мицкевич не мог не узнать из разговоров с Шижковым, что Одесский лицей был в 1823 г. изъят из ведения попечителя Харьковского учебного округа и, в виде исключения из всех правил и прецедентов, передан в непосредственное управление начальнику военных поселений резервной кавалерии генерал-лейтенанту графу Витту. У нас нет данных, говорящих о том, что у Мицкевича или Ежовского были рекомендательные письма к Витту. Но можно предположить, что более опытные в житейских делах люди могли внушить им такую мысль: попечитель лицея, поляк по происхождению, окажет им доброжелательный прием и всяческое содействие<sup>37</sup>.

Одним из спутников Мицкевича был, как указывалось выше, Осип Ежовский — молодой ученый-классик. В 1822 г. в Вильне им были напечатаны в качестве учебного пособия для изучающих латинский язык оды Горация с комментариями. Впоследствии он в течение некоторого времени преподавал в Московском университете греческий язык<sup>38</sup>. Вторым спутником Мицкевича был Франтишек Малевский (1800—1870), сын бывшего ректора Виленского университета, магистр права<sup>39</sup>. Малевский получил назначение в Одессу на службу в канцелярию новороссийского генерал-губернатора. Впоследствии он сделал крупную карьеру чиновника-юриста<sup>40</sup>.

Мицкевичу и Ежовскому были выданы «прогонные деньги» и сверх того, по «бедному состоянию», 300 рублей каждому на путевые издержки<sup>41</sup>.

Малевский, совершивший ранее поездку за границу, считался человеком опытным. Ему товарищи поручили хлопоты по организации путешествия. Он купил дорожный тарантас, лошадей же решено было брать на почтовых станциях. Из Петербурга отправились 7 или 8 января 1825 г. (ст. ст.). Предстояло долгое путешествие по плохой зимней дороге (до самого Витебска не было снега)<sup>42</sup>. По пути в Одессу товарищам

надлежало заехать в Елисаветград (ныне Кировоград). Там был расположен штаб южных военных поселений и там они должны были предстать перед генералом Виттом.

Биографы Мицкевича собрали все немногочисленные свидетельства о путешествии поэта в Одессу, и здесь нет нужды их повторять. Отмечу только, что по пути Мицкевич со своими спутниками останавливался в с. Стеблево у помещика Головинского, с которым и он и его друзья впоследствии поддерживали знакомство. В литературе высказывалось такое предположение: не для того ли Мицкевич и его друзья посетили Стеблево, чтобы встретиться там с соседями Головинского, братьями Проскурами, впоследствии арестованными по делу декабристов? Однако документальных данных для обоснования такого предположения нет. По пути в Одессу Мицкевич и его друзья заехали в Киев; прибыли они туда 5 февраля 1825 г.<sup>43</sup>, то есть сейчас же после январской ярмарки. На «контракты» (так называлась ярмарка) 1825 г., как всегда, съехалось множество поляков-помещиков со всей Правобережной Украины; среди них были и участники тайных польских революционных организаций. Туда приехали, как известно, многие представители Южного общества. На этих «контрактах» состоялась вторая (и последняя) встреча представителей «жужан» (Пестеля и Волконского) и представителей польского тайного общества (кн. Яблоновского и Гродецкого)<sup>44</sup>. Встретился ли тогда Мицкевич с кем-нибудь из декабристов или членов польского общества? Мы не располагаем никакими сколько-нибудь достоверными данными для ответа на этот вопрос, представляющий первостепенную важность при изучении связей Мицкевича с русскими и польскими революционными обществами<sup>45</sup>.

Дорога до Елисаветграда отняла более месяца. О назначении Мицкевича и Ежовского на службу в Одесский лицей Витт был предупрежден заблаговременно. Еще 16 декабря 1824 г. министр народного просвещения сообщил ему об этом в пространном «отношении», где писал: «В доставленной от г. попечителя Виленского учебного округа отметке сказано против имени Ежовского, что он мог бы преподавать греческую и римскую словесность, а также педагогику и философию на латинском языке. Против имени Мицкевича, что он мог бы преподавать словесность древних языков и эстетику на немецком, французском, латинском и русском языках. Посему, приказав Ежовскому и Мицкевичу отправиться к Вашему сиятельству, покорнейше прошу Вас, милостивый государь мой, предписать начальству Ришельевского лицея принять их в сие учебное заведение для преподавания тех наук, коим они обучались в Виленском университете, и назначить им приличное жалованье. Буде же, по каким-либо причинам, не найдется удобства определить их в лицей, в таком случае покорнейше прошу предоставить им приискать для себя другие места, сообщив тогда начальствам, где они служить пожелают, памятуя состоявшееся о них высочайшее повеление об определении их в службу не в польских, но в отдаленных от Польши губерниях, с классами, ученым степеням их присвоенными. По получении на сие извещения Вашего, сделаю я распоряжения и одоставления, куда следовать будет, из Виленского университета свидетельств на полученную ими степень кандидата»<sup>46</sup>.

Хотя Витт должен был получить это сообщение, по крайней мере за месяц до приезда в Елисаветград Мицкевича и Ежовского, но ко дню их приезда он еще не выяснил, имеются ли вакансии в лицее. К лицейю он, кстати сказать, вообще интерес не проявлял. Проводя очень много времени в Одессе, Витт в здании лицея побывал только один раз: в 1828 г., во время посещения лицея императрицей<sup>47</sup>.

Итак, к середине февраля 1825 г. Мицкевич и Ежовский приехали в Елисаветград и впервые встретились с Виттом. О встречах Мицкевича

с Виттом будет рассказано подробнее дальше. Об общительности Витта свидетельствует Малевский, по службе с генералом не связанный, писавший позже из Одессы, что «генерал Витт меня принимает у себя»<sup>48</sup>.

В одесской жизни Мицкевича Витт сыграл зловещую роль. Необходимо напомнить, что представлял собою тогдашний попечитель Одесского лицея, известный как один из шпионов, следивших за декабристами.

Витт был сыном польского генерала и красавицы-гречанки, в детстве выкупленной в Константинополе из рабства. Ян (в православии — Иван)



ВИД ОДЕССЫ. СПУСК В ПОРТ

Офорт Френцеля с рисунка П. Р. Фурмана, 1820—1830-е гг.

Музей западного и восточного искусства, Одесса

Витт с юных лет начал чрезвычайно успешно делать военно-придворную карьеру. Но опозорив себя двусмысленными, едва ли не предательскими действиями во время Аустерлицкого сражения, он вынужден был выйти в отставку. Вскоре он открыто изменил России, перешел на службу к Наполеону и участвовал в сражениях при Асперне и Ваграме. Прошло еще немного времени, и Витт (с 1811 г.) принял на себя в герцогстве Варшавском обязанности русского тайного агента, возможно, выполняющего поручения и французского правительства. В 1812 г. он снова возвратился на службу в русскую армию.

К 1825 г. служебная карьера Витта складывается самым блестящим образом. Один из основных деятелей по организации военных поселений, не оставлявший в то же время своей тайной специальности, он снискал особое расположение императора<sup>49</sup>. Витт продолжал поддерживать в провокаторски-шпионских целях дружеские связи с виднейшими представителями польской знати.

Конечно, всего этого Мицкевич не знал. Через много лет, в 1842 г., вспоминая Витта, Мицкевич говорил: «...сын польского генерала и гречанки — он был неизвестно какого племени и какой религии»<sup>50</sup>.

Но это было сказано уже после того, как Мицкевич получил возможность в течение довольно продолжительного времени лично наблюдать этого предателя, после того, как Витт открыто выступил в роли одного из главных душителей польского восстания 1831 г.

По сохранившимся сведениям, Витт встретил Мицкевича и Ежовского в высшей степени любезно<sup>51</sup>. Они представляли для него интерес не только как будущие преподаватели во «вверенном» ему учебном заведении, но и как участники политического процесса филоматов. В 1826 г., в записке «О поручениях, в которых был употреблен императором Александром I», Витт писал: «того же 1819 г. (...) повелено мне было наблюдение за губерниями: Киевскою, Волынскою, Подольскою, Херсонскою, Екатеринославскою и Таврическою и в особенности за городами Киевом и Одессою»<sup>52</sup>. Понятно, что наблюдать за ссыльными польскими деятелями входило в его прямые обязанности.

Не выяснив положения дел в лицее, Витт 14 февраля 1825 г. отправил в правление бумагу, составленную в самом категорическом тоне: «Я предлагаю правлению сделать немедленно распоряжение о предоставлении им (Ежовскому и Мицкевичу) соответственно знаниям и способностям кафедр в лицее. Я полагаю, что Ежовский и Мицкевич с пользою могут преподавать уроки древних языков; впрочем, правление не оставит войти в соображение, какие предметы можно именно им предоставить, смотря по удобности. По назначении помянутым двум кандидатам занятий, производить им жалованье из остающихся сумм от кафедр, не замещенных преподавателями, или из определенных сумм на жалованье адъюнктам. На первый раз можно производить каждому из них годовые оклады от 600 до 750 руб.»<sup>53</sup>.

Одновременно в письме к директору лицея Витт сообщал: «Кандидатам сим я приказал уже отправиться в Одессу и по прибытии туда явиться к Вашему высокоблагородию. Не оставьте сделать распоряжение, дабы с приездом Ежовского и Мицкевича в лицей была им отведена квартира в заведении и дабы они пользовались столом наравне с прочими преподавателями»<sup>54</sup>.

Содержание, которое Витт предлагал выплачивать Мицкевичу и Ежовскому, было немногим меньше того, какое получали штатные адъюнкты лицея<sup>55</sup>.

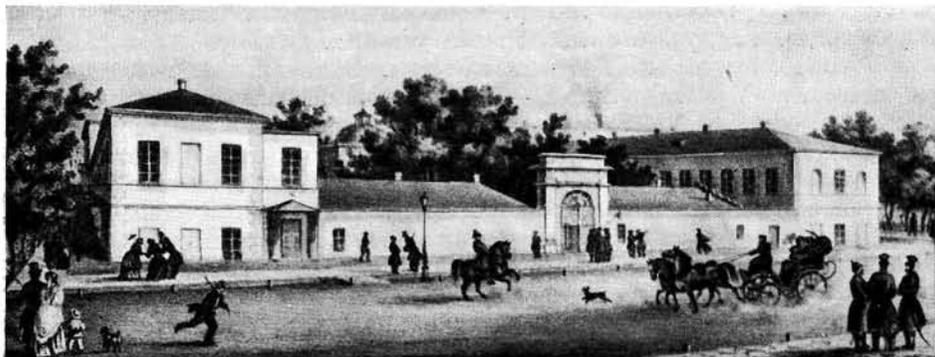
17 февраля 1825 г. Мицкевич и его спутник прибыли в Одессу<sup>56</sup>.

Повидимому, Мицкевич и Ежовский прямо заехали в лицей, где рассчитывали получить работу, квартиру и стол.

Через день — 18 февраля — в канцелярии лицея было получено предписание Витта о назначении Мицкевича и Ежовского преподавателями лицея. Назавтра же (19 февраля) состоялось заседание правления лицея, на котором это предписание было рассмотрено. На заседании было выяснено, что «в лицее для помещения кандидатов Ежовского и Мицкевича никаких вакантных мест не имеется, на коих они могли бы быть определены»; указывалось, что кафедры греческой и латинской словесности и грамматики замещены преподавателями, которые «с успехом» и «с пользою» преподают. Поэтому правление лицея предполагало «предоставить упомянутым кандидатам Виленского университета отыскать для себя другие места и по приискании о них уведомить правление. Во уважение же недостаточного состояния их снабдить их квартирою и столом до приискания ими мест, о чем донести его сиятельству г. управляющему лицеем. Впрочем, предоставить на благоусмотрение его сиятельства, что если сии места не были заняты, то Ежовский мог бы заняться преподаванием риторики и словесности греческой, а Мицкевич — греческой и латинской грамматики»<sup>57</sup>. (Полностью это постановление печатается в приложении.)

Когда для Мицкевича стало ясным, что он не может рассчитывать на работу в лицее, у него зародилась мысль об отъезде в Тбилиси. Очевидно, этот план появился у него под влиянием Дашкевича, товарища по филематскому делу, с которым он встретился в Одессе<sup>58</sup>. Однако, сколько можно судить, Мицкевич ничего не сделал для осуществления этого плана, от которого он вообще скоро отказался. И Мицкевич остался жить в Одессе в неопределенном положении кандидата на должность преподавателя лицея.

Но в тот момент ни преподаватели лицея, ни — что более удивительно — даже Витт не подозревали, что сам царь распорядился об отмене решения министра народного просвещения о назначении Мицкевича и Ежовского в Одесский лицей.



ОДЕССА. РИШЕЛЬЕВСКИЙ ЛИЦЕЙ

Литография, 1840-е гг.

Научная библиотека им. А. М. Горького, Одесса

2 февраля 1825 г. начальник Главного штаба Дибич писал Шишкову: «Государь император, усмотрев из рапорта о проезжающих, что 26 минувшего генваря выехали отсюда в Елисаветград определенные в Рিশельевский лицей кандидаты Виленского университета Ежовский и Мицкевич, — высочайше повелеть соизволил, чтобы кандидатов и профессоров Виленского университета, выписанных отсюда по последним происшествиям, не определять в Рিশельевский лицей и вообще в южные провинции, но в самые внутренние, как-то: в Пермскую, Вятскую, Вологодскую и прочие»<sup>59</sup>.

Этим предрешался вопрос о педагогической «карьере» Мицкевича в Одессе. И все же Мицкевич прожил в Одессе, в здании лицея, почти целый год.

Что же представлял собою тогда Одесский лицей, с которым Мицкевичу предстояло близко соприкоснуться?

### III. ОДЕССКИЙ ЛИЦЕЙ, ЛИЦЕЙСКИЕ ПРЕПОДАВАТЕЛИ И СТУДЕНТЫ

Одесский (по официальному наименованию — Рিশельевский) лицей был учебным заведением необычного типа. К моменту приезда Мицкевича он успел проделать своеобразную эволюцию.

Через десять лет после основания Одессы, в 1804 г., было решено открыть в этом молодом, но необычайно быстро растущем городе «коммерческую гимназию», которая должна была состоять из трех отделений:

приходского и уездного училищ и собственно гимназии. Эта гимназия была задумана, в соответствии с «правилами народного просвещения» 1804 г., как «всесословное» учебное заведение. Но тогдашний новороссийский генерал-губернатор герцог Ришелье, ярый легитимист и консерватор, использовал все свое влияние, чтобы воспрепятствовать учреждению «коммерческой гимназии». Открыли только приходское и уездное училища. В 1811 г. частный пансион и частный женский институт были преобразованы в правительственные «Благородные воспитательные институты», а в 1817 г. — мужской «благородный институт» в «Ришельевский лицей», учебное заведение сословного характера, куда, кроме дворян, принимали детей только богатейших «негоциантов», а также — в виде особого исключения — детей иммигрантов-греков. По своей структуре лицей представлял чрезвычайно сложное учебное заведение. Оно состояло из: а) собственно лицея, б) «начального по ланкастерской методе училища», в) двух дополнительных училищ, г) пансиона и д) педагогического института на 24 воспитанника. В начальном училище было три класса, в собственно лицее — пять классов. Кроме того, было дополнительное училище, состоявшее из двух параллельных классов: одного, в котором обучали «правоведению и политическим наукам», второго, где учили «коммерческим наукам». В лицее и в дополнительных училищах обучение в каждом классе продолжалось по два года. Вольноприходящие были строго отделены от пансионеров; они, по словам историка лицея, были «вне всякого сообщения с внутренними воспитанниками, даже сообщение между воспитанниками разных классов в то время строго воспрещалось». Таким образом, было как бы два параллельных лицея: «внутренний» и «внешний». Педагогический институт был только при «внутреннем».

В 1823 г. управление лицеем было реорганизовано. Он был изъят из ведения Харьковского учебного округа и поставлен, как уже было сказано, под непосредственное начальство генерал-лейтенанта Витта, который числился номинально и председателем правления лицея. Само же правление состояло из четырех членов, избравшихся из среды родителей или опекунов учащихся. Директор лицея, а также два инспектора имели право только совещательного голоса. Правление (с 1821 г.) делилось на две части: учебную и хозяйственную, оно по представлению директора избирало профессоров, адъюнктов и надзирателей, утверждало счета, отчеты и т. д.<sup>60</sup>

В то время, когда Мицкевичу пришлось соприкоснуться с жизнью лицея, это учебное заведение переживало, быть может, самый тяжелый период своей истории. Н. Мурзакевич, в течение многих лет профессор и директор лицея, начавший служить в нем вскоре после отъезда Мицкевича, писал: «...первоначально прекрасно устроенное учебно-воспитательное заведение <...> снизошло до той степени, ниже которой уже не могло опуститься»<sup>61</sup>.

За несколько дней до приезда Мицкевича директор лицея Гейнлет был уволен, и на место директора Витт назначил близкого ему человека — управляющего одесской таможней К. И. Дитрикса. Однако по приказу сената он вынужден был в конце июня уйти из лицея за «беспорядки по одесской таможне».

Наступила длительная полоса «безначалья», тянувшаяся до 1826 г., то есть в течение всего времени пребывания Мицкевича в лицее<sup>62</sup>.

После устранения Дитрикса дела лицея вел в качестве временного директора профессор по кафедре философских наук и «непременный член правления по нравственно-учебной части» Иван Дудрович. О тяжелой обстановке в лицее свидетельствует сохранившееся в лицейском архиве заявление Дудровича. Отказываясь принять место директора, Дуд-

рович писал: «Взяв во внимание затруднительное в разных отношениях положение заведения, я нахожу, что никто из чиновников лицея, имеющий в виду благосостояние оною, а не частные свои выгоды, не должен, при нынешнем состоянии заведения, искать и принимать на себя звания директора»<sup>63</sup>.

Следует сказать, что при просмотре дел лицея «эпохи Мицкевича» на каждом шагу наталкиваешься на документы, говорящие об интригах, склоках, злоупотреблениях, доносах; атмосфера в лицее была удушливая. Ревизии «экономической части» и делопроизводства лицея обнаруживали большие злоупотребления и запущенность дел.

Итак, 17 февраля 1825 г. Мицкевич и его спутники приехали в Одессу. Малевский, поступивший на службу в канцелярию генерал-губернатора, в письме к сестре жаловался, что в Одессе, где питание дешево, квартира, напротив, обходится чрезвычайно дорого: за комнату с передней он платил 25 рублей в месяц<sup>64</sup>. Мицкевичу и Ежовскому, как мы уже знаем, была предоставлена в здании лицея квартира со столом, что было для них серьезным материальным подспорьем.

В свое время для лицея собирались построить здание-дворец на берегу моря, и Монферан, строитель Исаакиевского собора в Петербурге, изготовил соответствующий проект, который был опубликован в 1817 г.<sup>65</sup> Этот проект, однако, остался неосуществленным, и лицей расположился в значительно более скромном, хотя и обширном здании, где раньше предполагалось поместить коммерческую гимназию. Перестройка производилась в 1819—1820 гг.<sup>66</sup> Как свидетельствуют официальные документы (публикуемые ниже), Мицкевич и Ежовский занимали «квартиру во внутренней части лицейского здания». К. П. Зеленецкий, окончивший лицей в 1833 г., вспоминал, что «между старейшими воспитанниками лицея некоторое время оставалась в памяти та комната, в которой жил Мицкевич»<sup>67</sup>. К сожалению, Зеленецкий не дал более точных указаний. Другие источники (в частности, воспоминания Ржонжевского) говорят, что он жил «на втором этаже, направо от лестницы»<sup>68</sup>. Ковальский рассказывает, что в соседней комнате поселился Ежовский<sup>69</sup>. Впрочем, Ковальский, о многочисленных неточностях мемуаров которого мы уже писали, поселил там же и Малевского, а между тем Малевский в лицее не жил, а снимал квартиру.

Здание, в котором тогда помещался лицей, существует и сейчас.<sup>1</sup> Оно расположено в самом центре города и выходит на три оживленнейшие улицы: Дерибасовскую, К. Маркса (бывш. Екатерининскую) и Ласточкина (бывш. Ланжероновскую). Здание подвергалось значительным перестройкам и, хотя оно сохранило явные черты архитектуры начала XIX в., сейчас, пожалуй, в нем нельзя точно указать то место, где жил Мицкевич.

Обнаруженная нами рукопись неизданных воспоминаний некоего Е. Клименко воспроизводит внешний облик лицея в 20—30-х годах XIX в.:

«Здание, которое занимал лицей, принадлежит в настоящее время Вагнеру. Это всем хорошо известный двухэтажный дом на Дерибасовской улице, такой же, каким он был во времена лицея. Таким он остался и на Ланжероновской улице. Во времена лицея на Екатерининской улице не было двухэтажного, как теперь, дома, а был каменный забор с воротами; по концам забора были двухэтажные боковые фасады домов, выходящих на Дерибасовскую и Ланжероновскую улицы. В этом здании помещался пансион учеников гимназии и студентов, а также все другие помещения как гимназии, так и лицея, как то: церковь, аудитории, классные комнаты и т. д. <...> Вошедший в главный вход с Екатерининской улицы будет иметь с левой руки столовую для пансионеров, с правой — соответствующие

службы. Далее идет так называемая колоннада — это длинный, широкий коридор, с окнами с обеих сторон, который вел в вестибюль. В последнем были направо и налево коридоры с аудиториями лицея, а прямо была лестница, которая вела на второй этаж, где была церковь и помещалась гимназия с пансионом. На этом втором этаже классные комнаты гимназии выходили окнами на Ланжероновскую улицу, а на Дерibasовскую выходили окна ученических спален. Столовая всех пансионеров была общая, при входе в лицей, как сказано выше. В нижних этажах домов помещались, кроме аудиторий, правление лицея и квартиры служащих <...> Таким Ришельевский лицей был, сколько мне известно, первые 20 лет, с 1817 г. по 1837 г.»<sup>70</sup>.

Хотя ни Мицкевич, ни Ежовский не были привлечены к педагогической деятельности, все же, живя в лицее и пользуясь там столом, связанные различными деловыми переговорами с управлением лицея, они не могли не соприкасаться с его преподавательским составом.

В списке профессоров в 1825 г. значились: И. Дудрович (философские науки), Биард (физико-математические), магистр Гриневич (латинская словесность, русская и латинская риторика), Пиллер (итальянский язык и словесность), Петш (немецкий язык), Лоран (французская словесность), Симанович (коммерческие науки), Ковалевский (правоведение и политическая экономия), Ленка (французский язык), Аргиропуло (греческая грамматика). Адъюнктами состояли: Нодо, Бабичев, Пиципио. Кроме того, в лицее были учителя «приятных искусств»: Пахман (музыка), Рыбников и Белоусов (рисование), Буш (танцы), Пелетье (фехтование) и врач Карузо<sup>71</sup>.

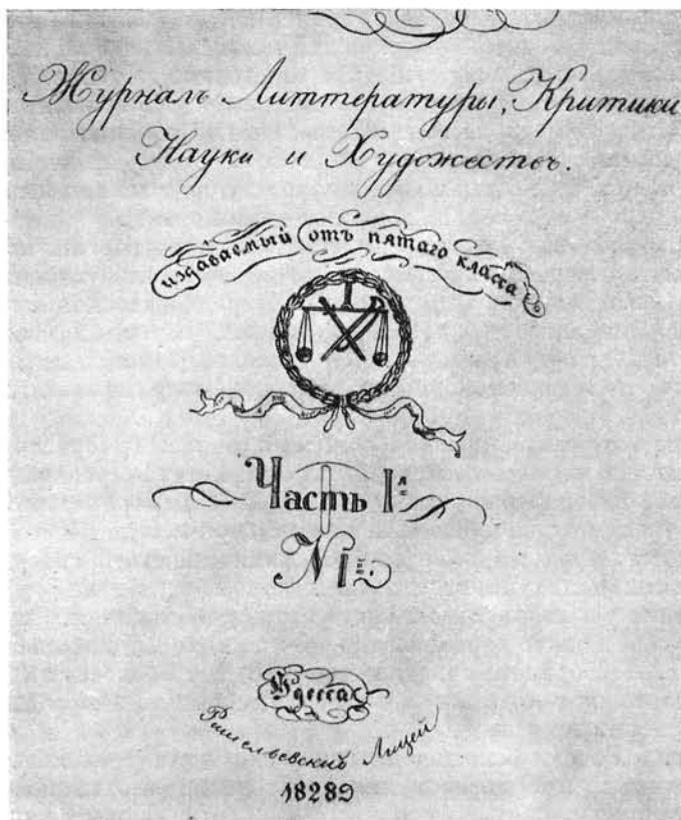
Иностранцы-педагоги, работавшие в России, в своем подавляющем большинстве не обладали специальными знаниями, общей культурой и чувством уважения к той стране, деятелями просвещения которой они стали волей случая. Таковы были по большей части и иностранцы-преподаватели Одесского лицея. То же можно сказать и об инспекторах лицея «молдаво-валахе» Калинеску и Кешпене и еще о многих педагогах<sup>72</sup>. Кешпен, по словам мемуариста, отличался «страстью к интригам»<sup>73</sup>.

Биографы сообщают, что в Одессе Мицкевич овладел итальянским языком. Возникает вопрос, не пользовался ли Мицкевич помощью Пиллера, изучая итальянский язык и литературу? Пиллер был тоже «поэтом», однако стихи его, архаические по форме и реакционные по содержанию (занимался он главным образом славословием начальства), могли вызвать со стороны Мицкевича лишь ироническое и отрицательное отношение<sup>74</sup>.

Пиллер был не единственным «поэтом» среди преподавателей лицея. Правовед профессор Ковалевский тоже подвизался на поэтическом поприще. Но его творчество также носило, сколько нам известно, официальный характер. Он писал кантаты, оды и тому подобные произведения. Так, на публичном акте лицея в 1824 г. он выступил с чтением своего «Гимна благодарности». В 1825 г., в день поминания Ришелье (это было незадолго до приезда Мицкевича), он выступил со стихотворением, в котором были такие строки, посвященные Одессе: «Ты, Одесса, юга слава, / Берегов Евксинских честь, / Горда, пышна, величава... / Ты слывешь Сидоном, Тиром / И Афинами теперь...»<sup>75</sup>.

Дурно было поставлено в Одесском лицее преподавание русской литературы. Профессор И. Ф. Гриневич, преподававший латинскую словесность и риторику, обучал, так сказать «по совместительству», и «русской риторике». Педагогические и научные интересы Гриневича лежали не в сфере русской литературы, а главным образом в сфере латинской словесности: его немногочисленные печатные труды (опубликован-

ные в Харькове между 1816 и 1819 гг.) представляли собою переводы из Горация<sup>76</sup>. 13 февраля 1824 г. он прочитал речь на латинском языке на торжественном акте в лицее<sup>77</sup>. Современники рисуют Гриневича в крайне непривлекательном виде: «пьяница, взяточник и тиран со своими крепостными слугами». Этот же мемуарист сообщает: Гриневич был «скорее невежественным, чем знающим»<sup>78</sup>. Таким образом, общение с Гриневичем не могло представить интереса для Мицкевича и расширить его знакомство с русской литературой.



РУКОПИСНЫЙ ЖУРНАЛ, ИЗДАВАВШИЙСЯ ВОСПИТАННИКАМИ  
РИШЕЛЬЕВСКОГО ЛИЦЕЯ

Титульный лист первого выпуска журнала за 1828 г.

Научная библиотека им. А. М. Горького, Одесса

Кстати отметим, что в начале 1824 г. пытался получить должность преподавателя в Одесском лицее В. К. Кюхельбекер. Он рассчитывал на содействие Грибоедова<sup>79</sup>. План этот, однако, остался неосуществленным.

Наряду с педагогами-иностранцами, в Одесском лицее служили и «харьковцы» (питомцы единственного тогда на Украине университета): Дудрович, Гриневич, Ковалевский и др. В последующие годы среди преподавателей Одесского лицея можно было найти немало видных для своего времени деятелей культуры (А. Зотов, К. Зеленецкий, Н. Мурзакевич, Ф. Брун, В. Григорьев и др.). Но, перечитывая список преподавателей лицея 1825 г., мы и среди «харьковцев» не можем, к сожалению,

назвать ни одного, кто сыграл бы хоть сколько-нибудь заметную роль в культурной жизни нашей родины. В лучшем случае это были знатоки своего предмета, способные передать некоторый запас знаний своим ученикам.

Сведения, которыми мы располагаем, не дают нам права считать кого-либо из преподавателей лицей тех лет представителями передовых кругов общества. В большинстве своем это были педагоги-чиновники, бесконечно далекие от Мицкевича по своим общественно-политическим взглядам. Следует, однако, предположить, что не все оказались глухи к общественному движению своего времени. Так, многие преподаватели лицей были членами одесской масонской ложи «Понт Эвксинский» (Пиллер, Калинеску, Ковалевский и некоторые другие). Эта ложа, основанная в 1817 г. (одновременно с лицеем), была самой многочисленной масонской ложей в России. Она входила в «Союз великой провинциальной ложи». По своему составу одесская ложа не носила чисто аристократического характера, членами ее были по преимуществу богатые негоцианты, врачи, преподаватели и — в небольшом числе — офицеры<sup>80</sup>.

Конечно, эта ложа, подобно другим масонским организациям, была далека не только от революционности, но даже от какой-либо оппозиционности по отношению к правительству. Но среди одесских масонов были и люди явно «неблагонадежные». Во всяком случае в конце 1821 г. начальник штаба 2-й Армии П. Д. Киселев отмечал, что в одесской ложе ведутся политические дебаты, в которых принимают участие офицеры.

В ответ на это заявление новороссийский генерал-губернатор граф Ланжерон, сам член масонской ложи «Понт Эвксинский», утверждал: в одесской ложе нет ни одного из чинов 2-й Армии. Ланжерон объяснял далее, что, состоя членом этого Общества, присутствуя всегда на его собраниях, он может удостоверить: в ложе не происходит ничего предосудительного, о политических делах никогда и ни в каком случае не рассуждают<sup>81</sup>. Есть основания усомниться в точности этого утверждения. Отметим такой знаменательный факт: организатор Общества Соединенных Славян декабрист П. И. Борисов показал, что в 1818 г. в Одессе он был принят в масонскую ложу и «отстал от оной, когда вышло запрещение принадлежать масонским ложа»<sup>82</sup>.

В 1822 г. в России был издан указ о закрытии всех масонских лож. Однако несколько профессоров лицей в течение многих лет оставались под сильным подозрением, как вероятные участники масонских кружков. В 1823, 1825 и 1826 гг. у некоторых преподавателей лицей, бывших масонов, власти брали повторную расписку в том, что они обязуются не входить ни в какую тайную масонскую ложу. Повидимому, Ежовский, начиная с 1821 г., состоял в масонских организациях<sup>83</sup>. Если это верно, можно предположить, что Ежовский, ближайший друг и сосед Мицкевича, был звеном, более тесно связывавшим поэта с некоторыми из преподавателей лицей.

Но как бы ни было, Мицкевич, который постоянно жил в помещении лицей, не мог не встречаться с преподавателями, а с некоторыми из них завязал, вероятно, и более близкое знакомство.

Лицей в ту пору хотя и переживал период упадка, но все же был крупнейшим культурным центром на юге страны. Коллектив лицейских преподавателей, в силу своих прямых профессиональных обязанностей, не мог оставаться совершенно чуждым научным и культурным интересам. Лицей, наконец, обладал библиотекой, единственным тогда местом в Одессе, где можно было найти книги по важнейшим разделам гуманитарных наук. Вероятно, Мицкевич не упустил возможности воспользоваться книжными богатствами лицей.

Но лицей — это не только чиновники и преподаватели. Лицей — это и учащаяся молодежь, студенты.

Что же представляли собой одесские лицеисты того времени? К сожалению, у нас очень немного данных, чтобы ответить на этот вопрос, до сих пор даже не поставленный в литературе. Однако отдельные факты, которыми мы располагаем, позволяют сказать с уверенностью, что хотя организаторы лицея педагоги-иезуиты (аббат Николь и др.) и сменившие их представители казенного реакционного «просвещения» сделали все возможное, чтобы превратить лицей в питомник послушных чиновников, до конца осуществить свое намерение им не удалось.

В лицей, как и в другие закрытые учебные заведения того времени, проникали голоса жизни. Разумеется, далеко не все лицеисты откликались на них. Одни рассматривали свое пребывание в этом учебном заведении только как досадный, но неизбежный этап на пути к карьере офицера или чиновника; другие с нетерпением ожидали окончания курса лицейских наук, чтобы вернуться в родовые поместья или в конторы своих родителей-«негоциантов». Но были в лицее и другие студенты: они с жадностью прислушивались к отголоскам общественно-политической борьбы, проникавшим сквозь стены лицея. Конечно, общественно-политическая борьба воспринималась воспитанниками раньше всего как столкновение литературных направлений.

Следует напомнить, что с первых же дней существования одесского «благородного пансиона» и лицея учащиеся этих заведений стали выпускать рукописные журналы («Песня муха», «Парнасский выходец», «Сорока» и др.). Эти журналы до нас не дошли, но, как мы узнаем из статьи, помещенной в сохранившемся номере рукописного лицейского журнала «Ареопаг» за 1830 г., в утраченных журналах можно было прочесть разбор стихотворений, печатавшихся на страницах тогдашних русских периодических изданий.

В 1819 г. лицеисты создали «Литературное общество», одним из деятельных членов которого был С. Д. Полторацкий, обучавшийся в лицее в 1817—1820 гг. Сейчас же по окончании лицея, в 1821 г., Полторацкий выступил пропагандистом Пушкина на страницах французского журнала (это было вообще первое упоминание о Пушкине в иностранной печати).

Из сохранившихся номеров «Ареопага» (см. воспроизведение заглавного листа первого номера на стр. 427) видно, что его редакторы и сотрудники занимали прогрессивную позицию в общественно-литературной борьбе тех лет. Хотя «Ареопаг» выходил на несколько лет позже того времени, когда в здании лицея жил Мицкевич, все же, как нам представляется, его страницы могут в некоторой мере служить материалом для характеристики передовой части лицейского студенчества и в интересующую нас пору.

В первом же номере журнала за 1828 г. была опубликована своеобразная декларация — изложение взглядов редакции в виде статьи «О классической и романтической поэзии». Редакция выступает здесь как страстный защитник полноценности и богатства русской литературы. «Вопреки многочисленным вестовщикам, которые беспрестанно кричат, что русская литература бедна, что она не имеет ничего собственного, оригинального, что наши поэты ничего сами не говорят, а подражают или французам или немцам, мы постараемся доказать несправедливость этих мнений».

В Одесском лицее, руководители которого так долго и так последовательно воспитывали антипатриотические и космополитические настроения, в лицее, где и в годы издания «Ареопага» большинство преподавателей были иностранцами, такая декларация имела особый смысл: она доказывает, что утверждение самобытности и полноценности русской

национальной культуры являлось важнейшей составной частью идеологии передовой молодежи того времени.

Сотрудники «Ареопага» внимательно следили за новинками русской литературы. Как правильно отмечает В. С. Алексеев-Попов, «они хорошо ориентировались в напряженной борьбе тогдашних литературных течений <...> Наряду с глубоким и пристальным вниманием издателей лицейского журнала к произведениям Пушкина, должно быть отмечено многократное цитирование на его страницах жгучих стихов „Горе от ума“, используемых лицеистами особенно часто для характеристики различных реакционных, отрицательных сторон и явлений тогдашней русской действительности». Конечно, имя Грибоедова и название его комедии не упоминались: «Горе от ума» было еще под цензурным запретом.

То, что редакция «Ареопага» занимала совершенно определенную позицию в литературной борьбе, видно из следующего факта. Редакция отказалась поместить критический разбор перевода на новогреческий язык «Марьиной роши» В. Жуковского (этот перевод, выполненный студентом лицея Г. Попандопуло, был помещен в «Ареопаге») «по причине несправедливых суждений автора о романтической поэзии, о „Руслане и Людмиле“ Пушкина и еще кой о чем»<sup>84</sup>.

Сильное увлечение русской литературой, понимание литературы как важнейшего фактора национальной идейно-политической жизни развивалось в явной борьбе передовой части студенчества с реакционными преподавателями лицея.

Лицейсты двадцатых годов не изучали современной русской литературы. Один из воспитанников лицея, А. Сумароков, вспоминал: из русской литературы, «кроме казенной хрестоматии, мы ничего не читали». Сумароков рассказывает: «В 1824 г., в июле месяце, числа не помню, во время каникул, я, воспользовавшись данной нам, оставшимся в заведении воспитанникам, свободой, отправился, после завтрака, в свой класс, чтобы *секретно* прочитывать принесенную мне из города поэму Пушкина „Руслан и Людмила“, а из предосторожности взял речи Цицерона на случай внезапного посещения начальства...». В то время, как он читал «Руслана», — рассказывает далее Сумароков, — в класс вошла «незнакомая особа», оказавшаяся Пушкиным. Между поэтом и лицеистом, — если верить мемуаристу, — произошел следующий диалог: «Как ваша фамилия?» — «Сумароков». — «Славная фамилия! Вы верно пишете стихи». — «Нет». — «Читали вы Пушкина?» — «Нам запрещено читать его сочинения»<sup>85</sup>. Независимо от того, достоверен ли самый рассказ, — одно в нем бесспорно: Пушкин, — как и вообще современная русская литература в лице 1824—1825 гг., — был в опале. И все же лицеисты увлекались передовой русской литературой и она формировала мировоззрение лучшей части студенчества. Важно отметить, что в лицее читались не только напечатанные и оказавшиеся по воле местного начальства запрещенными стихи Пушкина, но и его произведения, распространявшиеся в рукописном виде. Об этом вспоминает лицеист Н. Г. Тройницкий, один из редакторов «Ареопага». Произведения Пушкина, «перечитывали, переписывали, затверживали на память; некоторые из его не напечатанных стихов ходили у нас по рукам, в рукописи, как запрещенные»<sup>86</sup>. В рукописном виде было знакомо лицеистам и «Горе от ума».

Трудно предположить, однако, что интересы лицеистов ограничивались только чисто литературной сферой, что студенты лицея не задумывались над коренными вопросами общественной жизни и не разделяли чувства враждебности к самодержавию и крепостничеству, которое объединяло передовых людей того времени.

Из среды питомцев одесского «благородного пансиона» и лицея вышли будущие декабристы (А. Поджио, А. Корнилович и др.); некоторые

Monsieur

M. Chevalier est venu me demander des renseignements sur  
la loi de l'Etat qui reçoit les brevets d'invention en France.  
Il vient d'inventer une machine qui est toute d'une pièce  
utile pour l'agriculture des mines, et voudrait en  
introduire l'usage dans les pays du Nord comme il l'a  
fait dans quelques endroits et qui doit être inventeur d'invention  
de votre pays Monsieur, je prends la liberté de vous  
adresser par ce courrier votre approbation et de vous  
vous paraître importante vous ne refuserez pour cause  
doute d'attendre l'avis de vos conseils. Je suis certain  
que M. Chevalier n'est connu comme homme d'honneur  
et de probité, et que ses savantes professions du Collège  
de France m'ont parlé de sa découverte avec éloges.

Veuillez bien Monsieur agréer l'assurance de mes sentiments  
le plus distingués.

Adam Mickiewicz

Paris le 6 Février 1842.

Rue Vanclay n° 1.

à Monsieur

Monsieur

Alexandre Turgenev

Conseiller d'Etat à St. Pétersbourg

Paris. Rue de Valenciennes n° 14.

St. Pétersbourg.

АВТОГРАФ ПИСЬМА АДАМА МИЦКЕВИЧА К А. И. ТУРГЕНЕВУ  
ОТ 6 ФЕВРАЛЯ 1842 Г. И КОНВЕРТ ПИСЬМА

Написано по-французски. Мицкевич рекомендует Тургеневу изобретателя  
Шюара

Собрание К. В. Пигарева, Москва

студенты Одесского лицея были связаны с деятелями греческого национально-освободительного движения, а сыновья гетеристов — с русскими тайными обществами (например, двоюродные братья Булгари).

Обо всем этом нельзя забывать, говоря о студентах Одесского лицея, с которыми Мицкевич должен был в течение нескольких месяцев ежедневно встречаться в коридорах, на лестнице и во дворе. Кроме того, не следует упускать из вида, что по возрасту Мицкевич был ближе к студентам старших классов, чем к большинству преподавателей.

Увидел ли Мицкевич в одесских лицеистах отпрысков «молодой России», ту среду, из которой вышли и на поддержку которой могли рассчитывать лучшие сыны России — дворянские революционеры-декабристы? Этот вопрос мы должны, к сожалению, оставить пока без ответа.

Нашел ли Мицкевич в Одессе близких ему по устремлениям, по общественно-политическим взглядам людей за стенами лицейского здания? Этому вопросу посвящена следующая глава.

#### IV. ОБ ОДЕССКОМ ОКРУЖЕНИИ МИЦКЕВИЧА

Одесса, основанная в последние годы XVIII в. (1794), превратилась к концу первой четверти XIX в. в один из крупнейших экономических, административных и культурных центров страны.

Одесса росла необычайными для того времени темпами. Уже в 1817 г. в городе насчитывалось 32 тысячи населения, к концу двадцатых годов количество жителей превысило 50 тысяч, а к середине века Одесса заняла третье по населенности место среди городов империи.

Интенсивная и содержательная общественно-политическая жизнь молодого города объяснялась особенностями социально-экономического развития степной Украины, а не мнимым либерализмом одесских «градоправителей», на который любили ссылаться дворянские и буржуазные историки Одессы.

Говоря о культурно-политической жизни Одессы того времени — и это в равной мере относится к любому городу прошлого, — мы должны отличать официальную, реакционную Одессу, представленную чиновниками, помещиками, купцами-толстосумами, «негоциантами», ростовщиками и т. д., от Одессы прогрессивной, передовой и «вольнолюбивой».

Для царских властей не было секретом, что среди передовой части населения Одессы сильны антиправительственные и антикрепостнические настроения. Одесса рисовалась им «демократической республикой», «карбонарским городом». Александр I в специальном рескрипте на имя новороссийского генерал-губернатора Воронцова от 2 мая 1824 г. писал: «Я имею сведение, что в Одессу стекаются из разных мест и в особенности из польских губерний и даже из военнослужащих, без позволения своего начальства, многие такие лица, кои, с намерением или по своему легкомыслию, занимаются одними неосновательными и противными толками, могущими иметь на слабые умы вредное влияние»<sup>87</sup>. Настороженное отношение к Одессе перешло от Александра I к Николаю I. 12 декабря 1825 г., то есть за два дня до восстания и уже после того, как о наличии заговора стало известно, Николай I утверждал: «... по всему делу видно, что в Одессе должно быть гнездо заговорщиков»<sup>88</sup>. Такого же мнения придерживался и в. к. Константин Павлович; 31 декабря 1825 г. он писал, что в свое время обращал внимание Александра I «на Киев и Одессу как на очаг всех этих происков»<sup>89</sup>.

В высших правительственных сферах были склонны даже преувеличивать роль Одессы в развитии революционного движения. Что же создавало Одессе репутацию одного из очагов восстания?

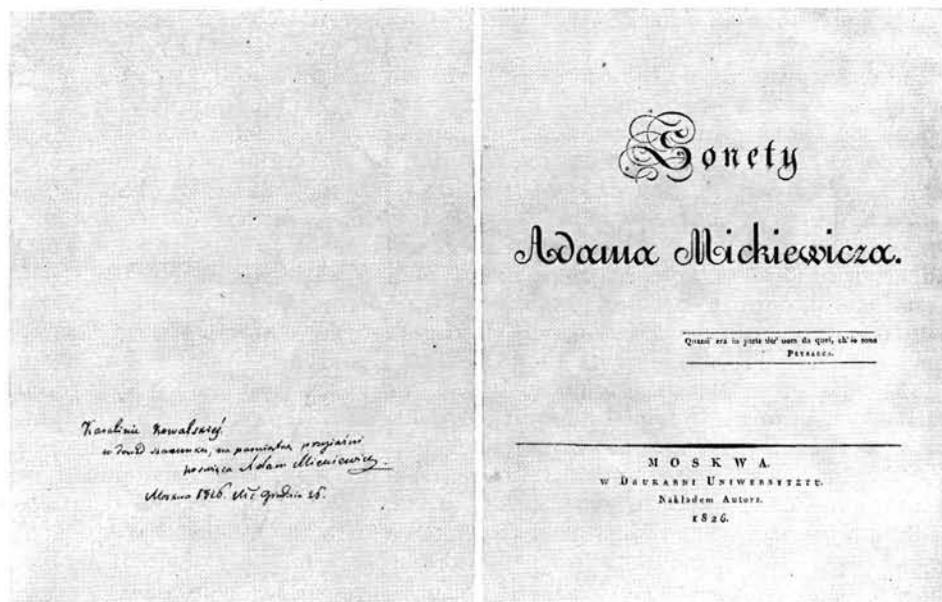
Тревогу внушал властям тот факт, что заметная часть одесского населения состояла из беглых крепостных. В 1819 г. одесский градоначальник писал министру полиции: «Три четверти мещан и многие русские купцы суть беглые господские крестьяне»; градоначальник утверждал, что большинство «не переменяло ни прежнего образа жизни своей, ни чувствований». Отсюда он делал следующий вывод: «такое соединение людей требует полиции деятельной и бдительной и большой строгости в градоначальнике <...> послабления, какие можно допускать в других городах и для других жителей, не могут иметь места в Одессе. Если бы позволено было описанным выше классам людей вмешаться в управление города, то бы скоро все пришло в беспорядок, и это было бы истинно скопище для возмущения народного спокойствия»<sup>90</sup>. Начальство относилось к бывшим крепостным, в особенности из числа беглых крестьян, с большой подозрительностью даже в тех случаях, когда им удавалось достигнуть более или менее заметного общественного положения. Приведем характерный пример. В 1819 г. на собрании одесских «первостатейных» купцов одним из директоров одесского отделения Коммерческого банка был выбран купец Крамаров. Однако его не утвердили, так как выяснилось, что Крамаров «из числа беглых князя Мещерского людей и хотя сделался теперь довольно богатым, но без всякого образования и весьма худую имеет репутацию»<sup>91</sup>.

Свидетельством роста оппозиционных настроений в Одессе были «политические дебаты» в масонских ложах, о чем говорилось выше. Кроме того, в Одессе в начале двадцатых годов существовал тайный кружок «Общество независимых», в который входили и разночинцы. Организатором Общества был В. И. Сухачев, принадлежавший «к сословию бендерского малороссийского общества», служивший в одесской торговой фирме. Участниками были: Аристов, служивший у нотариуса, купеческий сын Спасский, мелкие чиновники Радулов и Леонтьев. Среди бумаг, принадлежавших членам Общества, нашли такие, например, записи: «Следовать природе. Монаршей власти не признавать, а быть всем равными, признавать натуру творцом всего». Во время обыска у Сухачева были найдены отрывки из произведений Радищева, нелегальные стихи Пушкина и т. п. Исследователи предполагают некоторую идеологическую близость «Общества независимых» к Обществу Соединенных Славян, тоже связанному (через своего организатора Борисова) с Одессой<sup>92</sup>.

О том, что в Одессе в конце первой половины двадцатых годов происходили сборища «вольнолюбцев», в той или иной мере разделявших настроения и чаяния передовых людей «преддекабрьской» России, говорит факт, занесенный Шервудом на страницы его «Исповеди»: «Случилось мне быть в доме таможенного начальника в Одессе, Плахова, где обыкновенно всегда бывали вечера <...>. на одном вечере случилось несколько офицеров из 2-й Армии <...> эти господа до такой степени вольно говорили о царе, о переменах, которые ожидает Россия, о каком-то будущем блаженстве, так что я уже почти никакого сомнения не имел, что что-нибудь да кроется...»<sup>93</sup>. Как ни осторожно нужно подходить к показаниям шпиона и провокатора, все же слова эти являются важным свидетельством об общественной жизни Одессы тех лет.

Следует напомнить, что в годы, предшествующие 14 декабря, в Одессе жили в течение более или менее продолжительного времени или бывали по служебным или иным делам многие видные участники декабристских организаций. Назовем некоторых из них, не преследуя цели перечислить всех.

Братья Поджио были сыновьями одесского подлекаря. А. О. Корнилович, как уже указывалось, был воспитанником Одесского лицея. Жителями Одессы были С. Н. и Н. Я. Булгари. П. П. Трубецкой, член Союза



«СОНЕТЫ АДАМА МИЦКЕВИЧА», ИЗДАНИЕ 1826 г. МОСКВА. ЭКЗЕМПЛЯР С ДАРСТВЕННОЙ НАДПИСЬЮ АВТОРА КАРОЛИНЕ КОВАЛЬСКОЙ

Перевод: «Каролине Ковальской в знак уважения, на память о дружбе, посвящает Адам Мицкевич. Москва. 1826 декабря 26»

Собрание И. С. Зильберштейна, Москва

Благоденствия, брат «диктатора», был в 1824 г. назначен начальником одесского таможенного округа. Посещали Одессу, оставаясь там иногда на продолжительный срок, Пестель, М. Ф. Орлов, Сергей и Матвей Муравьевы-Апостолы, М. С. Лунин, М. А. Фонвизин, И. Г. Бурцов, Н. В. Басаргин, А. П. Юшневский, С. Г. Волконский, И. И. Сухинов, П. А. Муханов, И. П. Липранди, П. С. Пущин и др. Побывал в Одессе и виднейший деятель Северного общества Никита Муравьев. В одном варианте своего проекта федеративного переустройства России он предназначал Одессе роль столицы «Черноморской державы».

Часто посещал Одессу в те годы А. А. Шишков. Писатель и друг Пушкина, Шишков был тесно связан с Южным обществом<sup>94</sup>. Шервуд, рассказывая о слежке за участниками тайных обществ, писал: «Я отправился в Одессу, где был у меня хороший знакомый, поэт, Александр Шишков, которого я сильно подозревал...»<sup>95</sup>.

Нет сомнения, что участники тайных обществ оказывали идеологическое и политическое влияние на тех, с кем они общались в Одессе. Так, например, известно, что С. Г. Волконский во время своего пребывания в Одессе завербовал в Союз Благоденствия адъютанта военного губернатора Мейера и офицера корпуса путей сообщения Бухновского<sup>96</sup>.

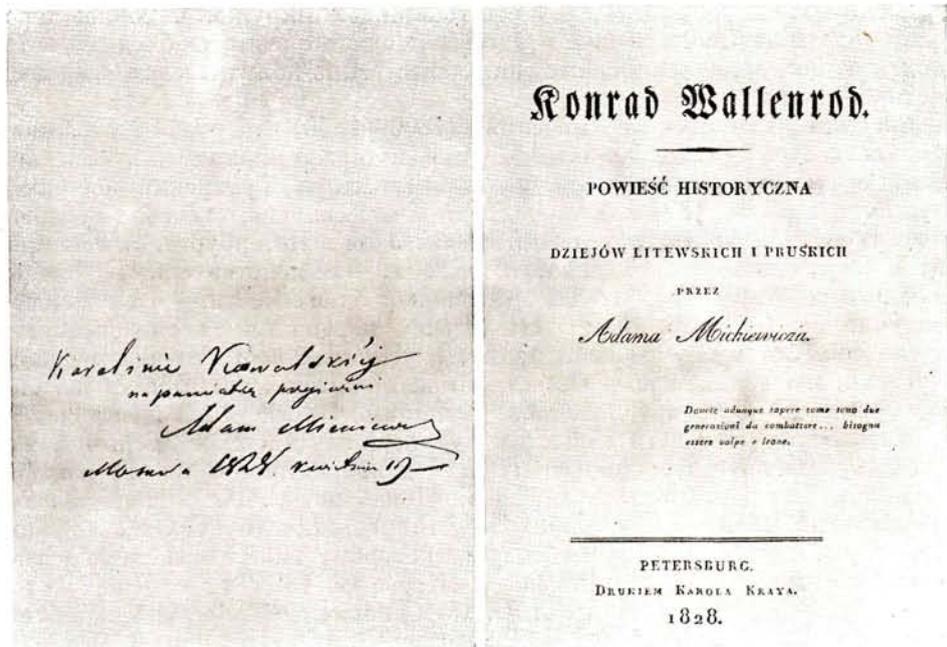
В распространении идей декабристов особенно заметную роль должны были играть в Одессе члены кишиневской управы, во главе которой стоял М. Ф. Орлов и с которой общался Пушкин. Кишинев в административном отношении был подчинен Одессе, как центру генерал-губернаторства, и члены кишиневской управы часто посещали Одессу по служебным и личным делам.

Несомненно, громадную роль в приобщении передовых людей Одессы к идеям декабристов играл Пушкин. Его вольнолюбивые произведения переписывались и ходили в городе по рукам еще до приезда поэта в Одессу<sup>97</sup>.

Еще бóльшую роль сыграл Пушкин в годы своей одесской ссылки (1823—1824). Бесспорно, что Воронцов, добываясь высылки Пушкина из Одессы, желал избавиться от поэта в первую очередь как от виднейшего представителя антиправительственных, революционных настроений. В своем известном письме к Нессельроде (от 28 марта 1824 г.) Воронцов писал, что Пушкин в Одессе приобретает еще множество восторженных поклонников своей поэзии, которые, полагая, что «выражают ему дружбу лестью, служат ему этим злую службу». Воронцов просил выслать Пушкина из «Новороссийского края» куда-нибудь в другое место, где «он нашел бы для себя среду менее опасную и больше досуга для занятий». По лицемерному заявлению Воронцова, высылка Пушкина из Одессы должна была принести пользу и самому поэту, так как «это удалит его от того, что может ему сделать столько зла. Я говорю о лести и о столкновении с сумасбродными и опасными идеями»<sup>98</sup>.

Декабристские настроения, очевидно, оказали влияние и на гетеристов, деятелей греческого национально-освободительного движения. В Одессе был их центр. Сын видного гетериста Булгари, а также и его племянник, были активными декабристами. Одесса являлась также центром деятельности тех болгарских патриотов, которые понимали, что Болгария сможет добиться освобождения только с помощью русского народа. Обо всем этом необходимо напомнить, переходя к изучению вопроса об общественных связях Мицкевича в Одессе.

Когда Мицкевич приехал в Одессу, у него не было там близких людей. «Никто не встречал меня на пороге», — вспоминал поэт в стихотворении «Размышления в день отъезда». Правда, он еще до приезда в Одессу указал друзьям адрес некоего аптекаря Цибульского<sup>99</sup>, но об этом аптекаре мы ничего не знаем.



КОНРАД ВАЛЛЕНРОД» АДАМА МИЦКЕВИЧА, ИЗДАНИЕ 1828 г. ПЕТЕРБУРГ. ЭКЗЕМПЛЯР  
С ДАРСТВЕННОЙ НАДПИСЬЮ АВТОРА КАРОЛИНЕ КОВАЛЬСКОЙ

Перевод: «Каролине Ковальской в память дружбы. Адам Мицкевич. Москва. 1828, апреля 19»

Собрание И. С. Зильберштейна, Москва

Со временем у Мицкевича в Одессе образовался значительный и разнообразный круг знакомых. Прежних биографов Мицкевича мало занимал вопрос о его общественных связях в Одессе. Они перечисляли представительниц польского «высшего света», пытаясь найти среди них таинственную Д. Д., к которой обращено несколько лирических посланий поэта, написанных в Одессе; в лучшем случае, они давали характеристику одесских польских аристократических салонов.

В результате картина получалась искаженная. В угоду националистическим тенденциям фальсифицировался важнейший вопрос о связях Мицкевича с представителями братских народов — русского и украинского. Вместе с тем создавалось ложное представление о месте Мицкевича в польской идейно-политической жизни. В трактовке прежних биографов Мицкевич одесской поры оказывался оторванным от польского демократического и национально-освободительного движения.

Вопрос об одесском окружении Мицкевича необходимо внимательно изучить и пересмотреть. Однако ограниченность и некоторая односторонность материала не дает возможности осветить эту проблему во всей полноте.

Первый и самый важный вопрос, который возникает перед нами при изучении одесских связей Мицкевича, — это вопрос о том, встречался ли поэт в Одессе с представителями передовой русской общественности? Биографы об этом умалчивали. Но неопровержимым свидетельством соприкосновения Мицкевича с лучшими людьми русского общества в Одессе служит один знаменательный факт. Направляясь в Одессу, в город, где у него не было ни друзей, ни знакомых, Мицкевич заручился рекомендательным письмом: это был листок почтовой бумаги, на одной стороне которого 15 января 1825 г. написал несколько слов А. А. Бестужев, а на другой — К. Ф. Рылеев. Письмо было адресовано В. И. Туманскому<sup>100</sup>.

Письмо вводило Мицкевича и его товарищей в кружок наиболее передовой русской интеллигенции в Одессе. В связи с этим необходимо остановиться несколько подробнее на общественно-политической характеристике Туманского.

Василий Иванович Туманский (1800—1860)<sup>101</sup>, родом украинец, один из поэтов пушкинской плеяды, имя которого упомянуто в «Евгении Онегине» («Одессу звучными стихами наш друг Туманский описал»), служил с 1823 по 1828 г. в канцелярии новороссийского генерал-губернатора. В августе 1821 г., во время пребывания в Петербурге, он был принят в сотрудники (а с 18 декабря 1822 г. — в действительные члены) Вольного общества любителей российской словесности — этой «ученой республики», которая, как установлено новейшими исследованиями, «после событий в Семеновском полку, в условиях наступившей реакции и усиленного полицейского сыска», «была призвана использовать легальные условия для продолжения традиций Союза Благоденствия»<sup>102</sup>. Активный член Вольного общества Туманский установил тесные связи с некоторыми литераторами — будущими декабристами и до 14 декабря продолжал поддерживать эти связи. Декабрист С. Н. Кашкин назвал Туманского человеком «горячих чувств и пылкого ума»<sup>103</sup>. Туманский переписывался с Кюхельбекером, которому как-то в Париже оказал денежную помощь<sup>104</sup>, встречался в Киеве в 1824 г. с декабристом П. А. Мухановым<sup>105</sup>, дружил с А. О. Корниловичем<sup>106</sup>. Но особенно близко сошелся он с Бестужевым и Рылеевым<sup>107</sup>. Выступления Туманского как члена Вольного общества показывают, что на его взгляды имели большое влияние идеи декабристов<sup>108</sup>. Незадолго до переезда в Одессу Туманский с негодованием отозвался о А. Г. Родзянко, который написал и распространил эпиграмму, направленную против Пушкина. Туманский говорил: «...неприлично и неблагодарно нападать на людей,

находящихся уже в опале царской...»<sup>109</sup>. В Одессе, как известно, Туманский близко сошелся с Пушкиным. В качестве представителя «ученой республики» он вел с Пушкиным переговоры об его участии в «Полярной звезде» и в «Соревнователе»<sup>110</sup>. Впоследствии Туманский распространял копии предсмертных писем Пестеля и Рыльева<sup>111</sup> — это факт, очень существенный для его характеристики. Поэтическое творчество Туманского — это в основном чистая лирика, элегически окрашенная, лишенная каких-либо общественных мотивов. Написал он немало стихов и куплетов салонного характера. Но в Одессе Туманский создал несколько произведений, резко отличавшихся по тону и по идейной направленности от других его стихов. Это — стихи, посвященные борцам за национальное освобождение Греции: «Греческая ода» (1823), «Греция (Два сонета)» (1825). Общеизвестно, что лучшие люди России к борьбе Греции за освобождение от турецкой тирании относились с большим сочувствием. Следует также учесть, что Одесса была важнейшим центром организации восстания.

Некоторые строки в стихотворениях Туманского, относящиеся к 1823—1825 гг., например:

Восстал, восстал великий дух свободы  
(«Греция»)

или:

И станут кровью наши воды,  
Доколь не выкупим свободы—  
(«Греческая ода»)

должны были восприниматься в самодержавно-крепостнической России как призыв к борьбе.

Известный интерес представляет стихотворное обращение Туманского «Одесским друзьям. (Из деревни)», написанное в 1826 г. В нем содержатся некоторые элементы критической характеристики тогдашнего одесского «общества». Особое внимание в этом произведении привлекают следующие строки:

Здесь тишины моей ничто не возмутит.  
Не завернет ко мне бродяга-езуит,  
Народа русского служитель чужеземный,  
Россию осквернять хвалой своей наемной.

Надо полагать, что этими строками Туманский метил прежде всего в тех иезуитов, которые в свое время свили гнездо в Одесском лицее. Но независимо от конкретного повода, вызвавшего эти строфы, ясно, что в них звучит общий для передовых людей тогдашней России мотив — борьба за самостоятельность и достоинство русской культуры.

Когда Мицкевич приехал в Одессу, Туманский состоял в оживленной переписке с Рылевым и Бестужевым. Что переписка между ними была посвящена не только литературе, но и касалась самых острых политических вопросов, видно из слов, которыми начиналось письмо Бестужева, привезенное в Одессу Мицкевичем: «Пожалуйста, не сердись, любезный Туманский, что я не писал долго тебе. По почте невозможно и скучно, а другим путем не было случая. Да и ты сумасшедший: выдумал писать такие глупости, что у нас дыбом волосы встают. Где ты живешь, вспомни, в каком месте и веке! У нас что день, то вывозят с фельдъегерями кое-кого». Дальше Бестужев писал: «Рекомендую тебе Мицкевича, Малевского и Ежовского. Первого ты знаешь по имени, а я ручаюсь за его душу и талант. Друг его Малевский тоже прекрасный малый. Познакомь их и наставь, да приласкай их бедных».

Рылеев написал только несколько строк, но они имеют для нас перво-степенное значение: «... полюби Мицкевича и друзей его, Малевского

и Ежовского: добрые и славные ребята. Впрочем, и писать лишнее — по чувствам и образу мыслей они уже друзья, а Мицкевич к тому же поэт — любимец нации своей»<sup>112</sup>. «По чувствам и образу мыслей они уже друзья» — значит, Рылеев, так же как и Бестужев, считал Мицкевича и его товарищей людьми, близкими ему в идейно-политическом отношении.

Несомненно, Мицкевич встречался в Одессе с Туманским: он передал ему рекомендательное письмо, которое и сохранилось в бумагах русского поэта. Туманский берег этот листок и в ту пору, когда всякое доказательство личной и общественной близости к «государственным преступникам» было чревато опасностями — одно это обстоятельство говорит о многом. Часто ли они встречались? Для ответа на этот вопрос у нас, к сожалению, нет материала. Но трудно представить, чтобы в Одессе, городе тогда сравнительно небольшом, где круг интеллигенции был невелик, Мицкевич и его друзья не встречались время от времени с Туманским, человеком чрезвычайно общительным. Следует отметить, что Малевский был сослуживцем Туманского по канцелярии генерал-губернатора. Трудно сомневаться и в том, что Мицкевич был знаком с ближайшими друзьями и товарищами Туманского — представителями того небольшого кружка чиновничьей интеллигенции, которая тогда группировалась вокруг канцелярии Воронцова. К этому кружку следует причислить Якова Ивановича Сабурова, находившегося в переписке с Пушкиным<sup>113</sup>, Бларамберга, Брунова, Казначеева, Левшина, Лекса, Лонгинова и др.<sup>114</sup> Некоторые из них были причастны к литературной и научной деятельности (Бларамберг, Левшин и др.). Естественно предположить, что Туманский сблизил Мицкевича с этим кружком одесских русских интеллигентов, в среде которых еще живы были воспоминания о Пушкине, покинувшем Одессу только за полгода до приезда Мицкевича.

Пробывание в одесской ссылке должно было обострить интерес Мицкевича и его друзей к Пушкину, к его личности и литературно-политической деятельности<sup>115</sup>, тем более что о Пушкине, отдавшем свой поэтический дар борьбе с самодержавием, знали в кружке Мицкевича задолго до высылки польского поэта в Россию. Еще в ноябре 1820 г. польский студент В. Пельчинский в письме из Петербурга, адресованном Ежовскому в Вильно, писал о появлении в России «не малого поэтического таланта» одного «девятнадцатилетнего юноши, несколько стихотворений и одна небольшая поэма которого счастливо удалась и написаны сильно, но, так как муза его плохо знала законы, его выслали за то на границу Персии»<sup>116</sup>. В Одессе же в 1825 г. все помнили Пушкина. Сюда приходили его письма (Туманскому и другим), которые, несомненно, становились широко известными в кругах, причастных к литературе. Туманский в июле 1825 г. написал стихотворение «На кончину Ризнич», посвященное Пушкину, и хотя это стихотворение было напечатано только в 1827 г., оно стало, очевидно, тогда же известным в одесских литературных кругах. В том же 1825 г. на страницах «Дамского журнала» (№ 15) появилась поэма Кобозева «Одесса», в которой были строки, посвященные «любимейшему поэту» (издатели разъяснили, что речь идет о Пушкине). Напомним, что гр. Г. Олизар, с которым Мицкевич познакомился в 1825 г., незадолго до того написал на польском языке поэтическое послание «Пушкину»<sup>117</sup>; Олизар восторженно приветствовал «поэта могучего севера» и стремился возбудить в нем сочувствие к Польше.

Предположение, что Мицкевич и его друзья, общаясь с кружком Туманского, должны были познакомиться и с теми произведениями Пушкина, которые из-за цензуры не могли появиться в печати, не кажется нам слишком смелым. В Одессе ходили по рукам списки нелегальных произведений Пушкина. У Туманского был рукописный список

«Гавриилиады». В дневнике А. В. Никитенко рассказано, что А. С. Норов, за год-полтора до женитьбы Пушкина, посетил поэта и застал у него в гостях Туманского. Туманский сказал Пушкину: «Знаешь ли, Александр Сергеевич, кого ты обнимаешь? Ведь, это твой противник. В бытность свою в Одессе он при мне сжег твою рукописную поэму». «Дело в том,— пояснял Никитенко,— что Туманский дал Норову прочесть в рукописи известную непристойную поэму Пушкина. В комнате тогда топили камин и Норов, по прочтении пьесы, тут же бросил ее в огонь»<sup>118</sup>.

И когда Мицкевич через шестнадцать лет в своих парижских лекциях о славянских литературах говорил, что «имя Пушкина становится лозунгом для всех недовольных элементов России. Его стихи переходили из



АДАМ МИЦКЕВИЧ

Миниатюра, 1840-е гг.

Институт русской литературы  
АН СССР, Ленинград

рук в руки, о них говорили повсюду — от Петербурга до Одессы»<sup>119</sup>, — он, повидимому, имел в виду Туманского и его друзей. В этой связи уместно вспомнить слова Ковальского, утверждавшего, что в Одессе «во всех домах имена Мицкевича и Пушкина произносились рядом, так что до сих пор мне представляется, что они как бы жили одновременно в Одессе»<sup>120</sup>.

Как ни скуден изложенный нами материал, все же он дает право утверждать: Мицкевич в Одессе общался с представителями передовой русской интеллигенции. Это факт, на который до сих пор не обращали внимания исследователи жизни и творчества великого польского поэта.

Пытаясь с возможной полнотой определить, каково было одесское окружение Мицкевича, нельзя не вспомнить о гр. Авдотье Петровне Гурьевой<sup>121</sup>. Она была женой одесского градоначальника и вращалась среди представителей одесской русской знати и административной верхушки<sup>122</sup>. Гурьева — предмет одного из увлечений Мицкевича. Это делает вероятным предположение, что и в среде русской знати у Мицкевича должны были быть знакомства.

Известно, что сейчас же по приезде в Одессу Мицкевич подружился с Рыковым — генералом, выслужившимся из солдат (прототип генерала Рыкова в поэме «Пан Тадеуш»)<sup>123</sup>.

К одесским знакомым Мицкевича предположительно может быть отнесен и гр. Олизар, второстепенный польский поэт, связанный с тайными польскими обществами. Он поддерживал знакомство с представителями русских общественных кругов и одесской колонии поляков. Знакомец Пушкина и Раевских, он был позднее привлечен к следствию по делу декабристов. В мемуарах Олизара содержится сообщение о встречах с Мицкевичем в Крыму<sup>124</sup>, поэтому можно было считать, что в Крыму они встретились впервые. Однако в воспоминаниях д-ра Р. Ли, личного врача Воронцова, в списке лиц, отправившихся вместе с Воронцовым 11 августа 1825 г. из Одессы в Крым, значится и Олизар<sup>125</sup>. Если верно, что Олизар был в Одессе во время пребывания там Мицкевича, есть все основания предполагать, что они там встречались, так как их объединяли не только поэтические, но и общественные интересы. Сообщения Ли отличаются педантичной точностью (он пользовался при составлении мемуаров своими поденными записями), и потому трудно сомневаться, что Олизар действительно был в Одессе в одно время с Мицкевичем.

У Мицкевича, естественно, должны были установиться разнообразные связи и с представителями одесской польской колонии. Переходя к этому вопросу, мы должны подчеркнуть, что поляки — жители Одессы — не представляли собою, конечно, чего-то единого в социально-классовом и идейно-политическом отношении. При всей немногочисленности этой колонии мы увидим в ней, с одной стороны, носителей реакционной, польско-панской культуры, а с другой — носителей нарождающейся польской демократической и социалистической культуры, представленных участниками патриотических, национально-освободительных и революционных кружков разночинной молодежи.

Поляки составляли ничтожную часть населения Одессы; коренными ее жителями были украинцы и русские. Но в так называемом «высшем свете» Одессы поляки как раз в те годы занимали весьма видное место. Это объяснялось определенными социально-экономическими причинами. Через Одессу украинскому хлебу открывался выход на мировые рынки. Ф. Ф. Вигель, описывая Одессу тех лет, вспоминал польских помещиков, которые привозили в Одессу «свою пшеницу, родившуюся на русской земле, обработанной русскими руками, и поддерживали там хлебную торговлю»<sup>126</sup>. В Одессе обосновалось довольно много поляков-землевладельцев из Подолии, Волыни, Правобережной Украины. Польских крепостников, богатевших за счет эксплуатации украинских крестьян, влекли в Одессу не только коммерческие интересы. Они рвались из своих сельских захолустьев в крупный город, где можно было шумно и весело пожить. По-шляхетски беспечные и расточительные, по-магнатски сумасбродные и неудержимые в прихотях, они своим мотовством задавали тон одесской аристократии. Миновало еще немного времени, и все это отошло в прошлое. Конъюнктура на хлебном рынке значительно ухудшилась, хлебная торговля оказалась захваченной более цепкими и более умелыми руками представителей торговой буржуазии; восстание 1831 г. подорвало позиции польского землевладения на Украине. Но в дни пребывания Мицкевича в Одессе все это еще было впереди. И ему суждено было близко познакомиться с бытом одесской польской знати, находившейся в апогее своего эфемерного блеска.

Биографы Мицкевича отмечают, что поэт, выросший в скромном кругу польско-литовской мелкой шляхты, в Одессе впервые оказался вовлеченным в светскую среду. Однако аристократические круги одесской польской колонии всегда оставались ему глубоко враждебными своим космополитизмом (в польских аристократических салонах, например, говорили почти исключительно по-французски), национальным ренегат-

ством, пустотой, лицемерием и легкомыслием. Что у Мицкевича одесской поры не было тесных связей с аристократической верхушкой одесского польского общества, в этом не может быть никаких сомнений. Достаточно вспомнить общественно-политические воззрения Мицкевича того времени. Мицкевич приехал в Одессу как автор «Дзядов»; в этом произведении он с такой революционной страстью заклеил крепостничество, что даже через 30 лет после крестьянской реформы в России царский цензор, возражая против издания «Дзядов» в переводе на украинский язык, писал: «Пьеса эта, кроме пропагандирования коммунистических начал, очевидно, написана с тою целью, чтобы восстановлением в памяти простого народа печальных событий крепостничества возбудить в низшем сословии ненависть к высшему»<sup>127</sup>. Какая же идейная близость, какие дружеские связи могли существовать между автором «Дзядов» и магнатами-крепостниками? Мицкевич был сослан в Одессу как участник тайного национально-патриотического общества, а в аристократических салонах Одессы он встретил людей, ставших на путь отречения от своего народа, равнодушных к его национальным интересам. В Одессе Мицкевич написал «Привал в Ушите. Истинное происшествие» — рассказ в стихах, в котором он заклеил антигосударственную и антинациональную роль польского магнатства. В Одессе же на шумных пиршествах польских баричей Мицкевич на каждом шагу мог встретить духовных потомков пана Сицинского, заклеянного им в этом произведении. В Одессе Мицкевич задумал и частично написал «Конрада Валленрода», в котором была поставлена проблема патриотического подвига, самопожертвования во имя блага народа, а среди одесской польской знати он встречал панов, поступивших на службу к царизму, душегубу национальной независимости Польши, крепостников, видевших в царизме лучшую гарантию сохранения своих классовых привилегий. Мицкевич приехал в Одессу, духовно обогащенный встречами с передовыми людьми России, в гостиных же польских помещиков он видел людей, которые в подавляющем большинстве были бесконечно далеки от передовых идей своего времени.

Общественный и моральный уровень своих аристократических знакомых Мицкевич оценивал весьма невысоко. Об этом свидетельствует такой факт: через много лет после отъезда из Одессы, в 1837 г., Мицкевич в Париже написал пьесу «Барские конфедераты» (на французском языке). По его собственным словам, прототипами выведенных в пьесе магнатов-предателей были посетители одесского салона Собаньской.

В аристократических салонах одесского польского общества у Мицкевича были знакомые. Здесь он приобрел многообразный и горький опыт личной жизни. Из кого же состояла аристократическая верхушка польского общества в Одессе?

В 1824 г. одесскую светскую жизнь наблюдал семнадцатилетний М. Д. Бутурлин. Он писал: «Было также и польское общество, собиравшее часто у Каролины Собаньской. Из этого общества жили довольно открыто г. Залевский (или Залеский) с женою <...> Бывали мужские обеды у Александра Собаньского, брата Исидора <...> Этот Александр Собаньский записался тогда, не в пример другим польским помещикам юго-западного края, по 1-й гильдии, чтобы свободнее вести заграничную торговлю пшеницею, и участвовал позднее в польском восстании 1831 года. Из знакомых мне поляков (кроме гг. Залевского и Собаньского) были полковник Блондовский, граф Олизар, г<граф> Грушецкий (или Грушевский); последний из них был не из крупного польского дворянства. Заслуженный полковник Блондовский <...> бросился опретью в польское восстание»<sup>128</sup>. С некоторыми из перечисленных здесь лиц Мицкевич, несомненно, встречался; о встречах с другими можно говорить лишь предположительно.

Ржонжевский, со слов Собаньской, записал имена тех представителей польского «света», с которыми встречался Мицкевич в Одессе: Бонавентура Залеский, Иероним Собаньский, гр. Генрик Ржевуский (брат Каролины Собаньской), Новомейский, Подгороденский, Шемиоты, Загорские, Менчинские, Монюшко<sup>129</sup>. Упомянутый в этом списке Генрик Ржевуский (1791—1866) — известный польский писатель. Летом 1825 г. в Киеве находился Грибоедов, который специально собирался в Бердичев на ярмарку, чтобы познакомиться с Ржевуским. Мы вряд ли будем далеки от истины, предположив, что свидание это вызвано было стремлением декабристских кругов установить связи с участниками польских национально-патриотических организаций<sup>130</sup>.

К числу знакомых Мицкевича из одесского польского аристократического круга принадлежал и гр. Кароль Спибор-Мархоцкий. О дружбе его с Мицкевичем интересные, хотя и требующие проверки данные сообщает М. Дубецкий, автор статьи «Об одесских впечатлениях». Дубецкий записал, между прочим, свои беседы с людьми, встречавшимися с Мицкевичем в Одессе. Среди них был Шемиот, ребенком выдавший Мицкевича в доме своей матери<sup>131</sup>. По словам Дубецкого, Мицкевич поехал вместе с Мархоцким в поместье Любомля, принадлежавшее графу. Поместье было расположено в устье Днестра, напротив Аккермана. Они побывали и в самом Аккермане (ныне Белгород-Днестровский). В Аккермане Мицкевич встретился со своим знакомым «казенным лекарем» С. Гациским, окончившим Виленский университет. В литературе высказывалось предположение, что Гациский был связан с филематскими кружками. Если это так, то поездку Мицкевича в Аккерман<sup>132</sup> можно рассматривать как одну из попыток восстановить и расширить связи с польскими революционными кружками. В результате этой поездки и появился бессмертный сонет «Аккерманские степи», открывающий книгу «Крымских сонетов»<sup>133</sup>.

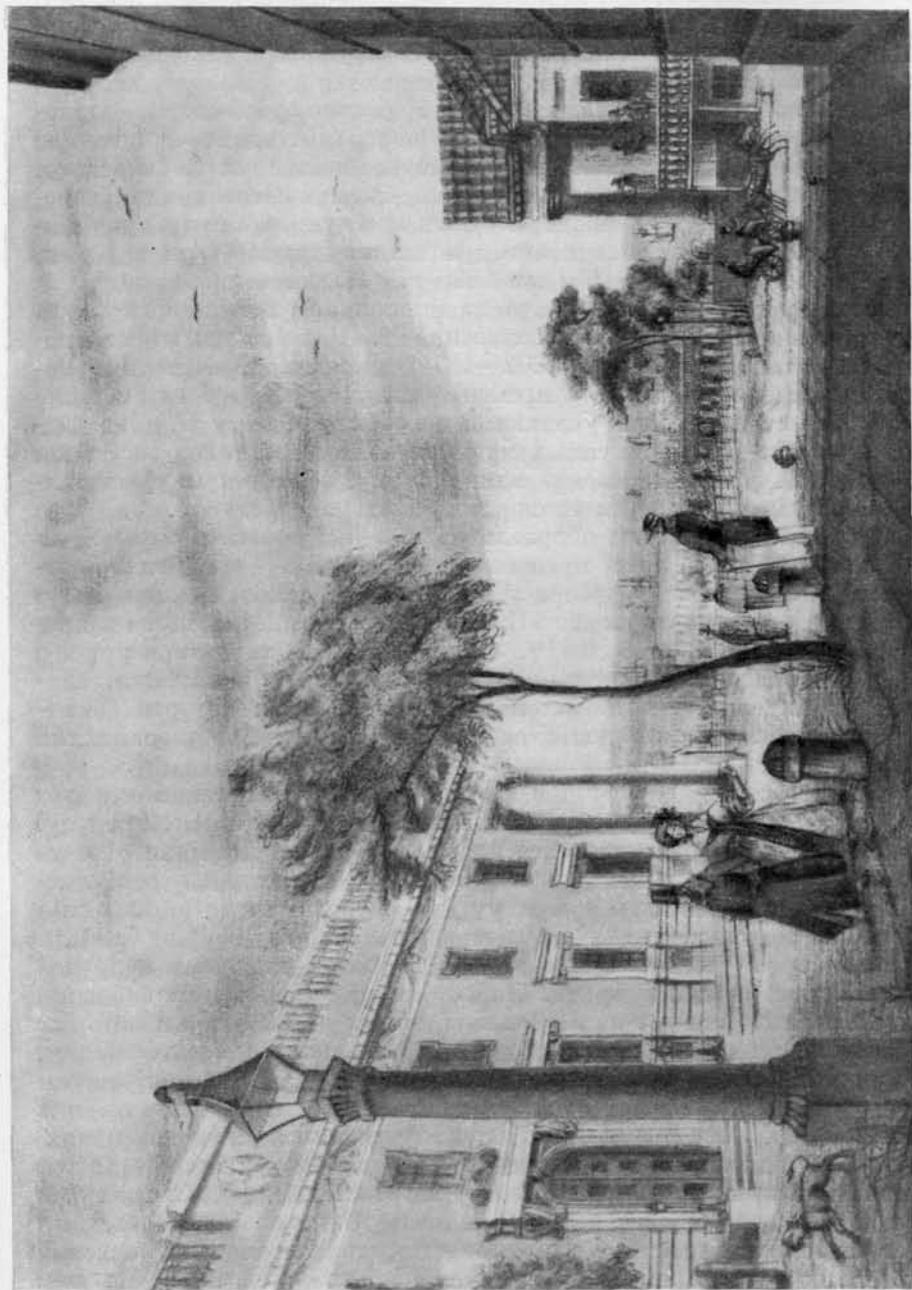
Можно также высказать предположение, что Мицкевич встречался в Одессе с гр. Петром Мошинским и кн. Антонием Яблоновским, деятелями польского тайного общества, которые вели переговоры с декабристами<sup>134</sup>. Мошинский по должности волынского губернского маршала (предводителя дворянства) должен был посещать Одессу, куда на зимний сезон, как отмечалось выше, съезжалась почти вся польская знать с Волыни. Имя князя Яблоновского встречается в одесской светской хронике тех лет (однако неизвестно, идет ли речь именно об Антонии).

Бывал в Одессе преддекабрьского периода и другой член тайного польского общества — Дембовский. С ним в Одессе встречался С. Г. Волконский<sup>135</sup>. Знал ли Дембовского Мицкевич? Об этом у нас, к сожалению, нет сведений.

В польско-помещичий круг Мицкевича ввел Бонавентура Залеский, богатый помещик<sup>136</sup>. В его гостеприимном доме, где всегда былолюдно, Мицкевич проводил много времени. Жена Залеского, относившаяся к Мицкевичу с большим участием, сурово упрекала его в легкомыслии и предостерегала от опасных увлечений<sup>137</sup>. У Мицкевича с супругами Залескими установилась тесная связь; это видно хотя бы из того, что он посвятил им своего «Конрада Валленрода», начатого в Одессе.

До сих пор, когда заходила речь об одесских друзьях Мицкевича, на первом месте называлось имя Каролины Собаньской, причем до недавнего времени большинство исследователей считало стихи, посвященные Д. Д., обращенными к ней<sup>138</sup>. Однако сейчас, когда стала известна истинная роль Собаньской, — тайного осведомителя, — уместнее будет остановиться на ней в главе, посвященной политическому надзору за Мицкевичем.

Польской знатью далеко не исчерпывались связи Мицкевича с одесской польской колонией. Нет сомнения, что Мицкевич гораздо теснее был связан с разночинно-пляхетской средой.



ОДЕССА. ТЕАТР  
Литография К. Бассоли, 1830-е гг  
Всероссийский музей А. С. Пушкина, Ленинград

К этой разночинно-шляхетской среде Мицкевич, конечно, был ближе по своему социальному происхождению, воспитанию, привычкам, по своим национальным, политическим и культурным интересам. Это была именно та общественная среда, из которой вышла основная масса повстанцев 1831 г. Здесь же надо искать и тех, кто оказался в той или иной степени связанным с организациями декабристов или кружками, находившимися под их идейным влиянием.

К сожалению, мы очень мало знаем об одесском шляхетско-разночинном окружении Мицкевича. Беглое и поверхностное представление об этой среде дают упомянутые нами выше воспоминания Ковальского. К этому кругу принадлежал сам Ковальский, бывший воспитанник Кременецкого лицея, товарищ Мицкевича по Виленскому университету, врач Кароль Качковский, мемуарист и автор описания путешествия в Крым, совершенного Мицкевичем в том же 1825 г., Малиновский и др.<sup>139</sup>

К одесским знакомым Мицкевича из шляхетско-разночинного круга принадлежал также Маврикий Гославский<sup>140</sup>. Выходец из мелкой подольской шляхты, Гославский (1802—1834) окончил Кременецкий лицей, потом в течение некоторого времени был учителем в богатом польском доме и вместе со своими учениками переехал в Одессу<sup>141</sup>. Впоследствии он оказался одним из самых мужественных участников восстания 1831 г. Он принадлежал к самому радикальному, левому крылу повстанцев. Гославский весьма деятельно занимался литературой. За свою недолгую жизнь, трагически оборвавшуюся в австрийской тюрьме, он написал много поэтических произведений (собрание его стихов занимает том в 310 страниц убористой печати). В 1826 г., живя еще в Одессе, он написал стихотворение «На смерть Пестеля, Муравьева и других мучеников русской свободы»<sup>142</sup>. Этот факт ярко характеризует его общественно-политические настроения и может, как нам кажется, служить еще одним свидетельством той идейной близости, которая связывала одесские разночинные польские кружки с русскими дворянскими революционерами.

К кругу одесской разночинно-шляхетской интеллигенции следует отнести Дашкевича, сотоварища Мицкевича по филематскому делу. Дашкевич, очевидно, совсем недолго пробыл в Одессе. Его план отъезда на Кавказ, в Тбилиси (как мы отмечали выше, в какой-то момент Мицкевич собирался присоединиться к нему), не осуществился, и он уехал раньше своих товарищей, получив назначение на службу в банк<sup>143</sup>.

Сейчас мы не в состоянии привести весь список знакомых и друзей Мицкевича из разночинной среды. Многие имена утрачены. Качковский в своих воспоминаниях говорит о «домах общих знакомых», в которых он встречался с Мицкевичем<sup>144</sup>, но мы не располагаем материалом, который дал бы нам возможность расшифровать указание мемуариста.

Отдельных представителей этой среды Мицкевич мог встречать и в самом лицее. Так, в его время среди служителей лицея числился «шляхтич Войцех Феликсович Комаровский»<sup>145</sup>; в лицее служили также («по счетной части») шляхтичи Матвей Каношевский и Франц Яворский<sup>146</sup>. Поляком, выходцем из безземельной шляхты Каневского повета, был и эконом лицея Богданович, на квартире которого Мицкевич и Ежовский иногда обедали и ужинали. Жена Богдановича была в родстве с польским поэтом Богданом Залеским (1802—1886), виднейшим представителем так называемой польско-украинской школы романтиков<sup>147</sup>. Возможно, что общение с Богдановичем было для Мицкевича не лишено интереса, так как от него Мицкевич мог получать некоторые сведения о деятельности Залеского. Ведь с Залеским Мицкевич поддерживал литературные связи (впоследствии, в 1841 г., он даже обратился к нему со стихотворным посланием). Следует, однако, напомнить, что Богдан Залеский

представлял правое крыло польско-украинской школы. Между тем Мицкевич (так же как Словацкий), высоко ценя творчество Северина Гошинского, руководителя левого крыла школы, резко критиковал правых, реакционных польско-украинских романтиков<sup>148</sup>.

Мицкевич часто встречался со своими друзьями шляхтичами-разночинцами. В их беседах, несомненно, затрагивались острые политические вопросы. Качковский рассказывал, что при встречах с Мицкевичем и его друзьями-филаретами следовало соблюдать осторожность, «чтобы им и себе не натворить хлопот». Поэтому им приходилось встречаться тайно. Первая встреча Качковского с Мицкевичем и Малиновским произошла при очень характерных обстоятельствах. Качковский, приехав в Одессу, неожиданно увидел в опере Мицкевича, сидевшего в партере рядом с Малиновским. Качковский и Малиновский вышли из театра вместе, а Мицкевич, который, по словам Качковского, находился под бдительным надзором полиции, поджидал в театральном подъезде. «Я не мог пойти к ним,—продолжает Качковский,— а они ко мне, поэтому они отправились на берег моря и там долго беседовали». Заканчивая свой рассказ о встречах с Мицкевичем в Одессе, Качковский свидетельствует: «Мы встречались еще несколько раз, по преимуществу тайно, боясь взаимно друг другу причинить беду»<sup>149</sup>.

Можно думать, что именно с шляхетско-разночинным кругом друзей Мицкевич делился теми мыслями, идеями и настроениями, которые были навеяны ему общением с Рылеевым и Бестужевым. Мицкевич мог быть звеном, соединявшим передовых людей России с небольшим кружком польской интеллигенции, группировавшейся в Одессе.

## V. МИЦКЕВИЧ ПОД ПОЛИТИЧЕСКИМ НАДЗОРОМ

Не успел Мицкевич обосноваться в лицее, как было получено отношение Министерства народного просвещения (от 6 марта 1825 г.), в котором говорилось, что «Комитет, высочайше учрежденный для рассмотрения дел, относящихся до беспорядков, случившихся в Виленском университете <...>, признал нужным усугубить надзор за привозимыми в пределы России книгами на польском и других иностранных языках, дабы в числе их не могли распространяться сочинения вредные и запрещенные»<sup>150</sup>. Письмо это, разосланное в циркулярном порядке во все учебные заведения страны, в Одесском лицее должно было быть воспринято с особым вниманием, так как лицей приютил в своих стенах двух из виновников «беспорядков, случившихся в Виленском университете». Совершенно понятно, что к Мицкевичу и Ежовскому начальство лицея начало относиться с известной настроженностью.

Вскоре дирекция лицея получила от графа Витта письмо, датированное 19 марта 1825 г., со следующим распоряжением: «Государь император высочайше повелеть соизволил вызванных в С.-Петербург по последним происшествиям студентов Виленского университета, не оставляя на службе в Ришельевском лицее и вообще в южных губерниях, переместить в другие российские губернии, по собственному их избранию, и в такой род службы, какой они пожелают сами; также, по недостаточному их состоянию, сделать им нужное по сему случаю пособие. Вследствие сего, предлагаю вам, милостивый государь, от кандидатов Виленского университета Ежовского и Мицкевича, отправленных в Ришельевский лицей, отобрать сведения: в которую из российских губерний, исключая южных, и в какой род службы поступить они желают? Требуемого мною сведения я буду ожидать от вас непременно с первою почтою, со дня получения вами сего моего предложения»<sup>151</sup>. Начиная с 1824 г. правительство было

обеспокоено политическими настроениями в южной части страны — в районах деятельности Южного общества, Общества Соединенных Славян и польских организаций. Ранним симптомом этого беспокойства был цитированный выше рескрипт Александра I на имя Воронцова от 2 мая 1824 г.

О запрещении оставаться в Одессе и вообще на юге Мицкевич, так же как его товарищи по ссылке, был немедленно извещен. Все трое, не желая расставаться, попросили разрешения переселиться в Москву: Ежовский — в качестве преподавателя в университете, Малевский — в качестве чиновника канцелярии генерал-губернатора. Мицкевич же подал 25 марта такое заявление: «Вследствие объявленного мне предписания его сиятельства г. попечителя Ришельевского лицея, я имею честь изъявить желание определиться в Московский архив коллегии иностранных дел. При этом я осмеливаюсь просить о снабжении меня дарованным высочайшею милостью пособием»<sup>152</sup>.

Как видно из сохранившейся на подлинном документе отметки, предписание, касающееся Мицкевича и его товарищей, было получено в лицее 25 марта, а уже 26 марта Мицкевич объявил о своем решении<sup>153</sup>. Если предположить, что Мицкевичу это предписание было представлено в тот самый момент, когда оно было получено, все же ему оставалось не более суток для размышлений и советов с друзьями. Представляется поэтому особенно знаменательным тот выбор, который он сделал.

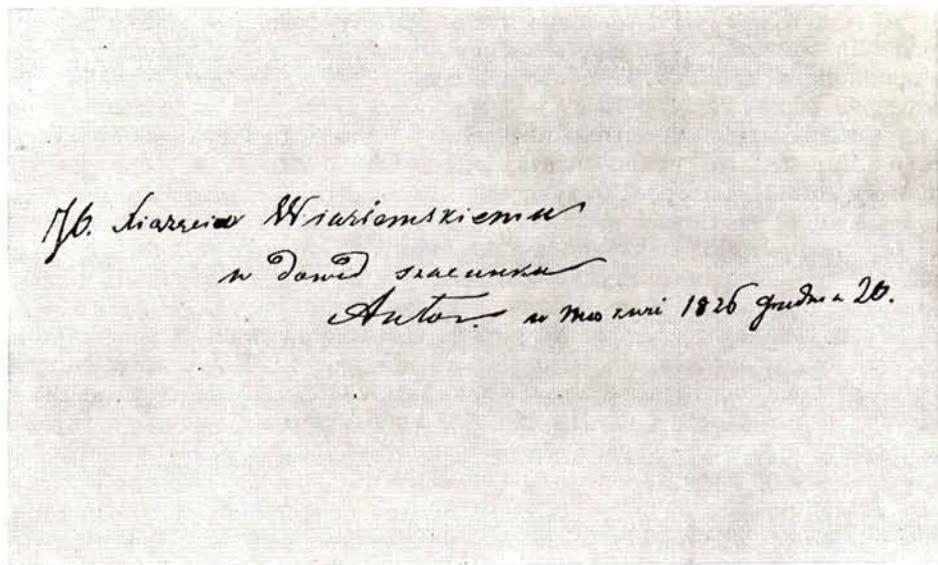
Московский архив коллегии иностранных дел был не только средоточием ценнейших исторических памятников, которые могли служить источником для разнообразнейших научных исследований. Архив в то время был одним из центров научной жизни страны. Именно в те годы вокруг него группировался знаменитый в истории русской культуры кружок историков и археографов (Малиновский, Калайдович, Строев, Востоков и др.), известный под именем «румянцевского кружка»<sup>154</sup>. Служба в этом архиве была даже чем-то вроде моды среди лучших, склонных к литературным и научным занятиям представителей аристократической молодежи («архивные юноши»). Следует напомнить, что среди «архивных юношей» тех лет (1824—1825) мы встречаем замечательного поэта Д. В. Веневитинова, а также известных в истории русской литературы И. В. Киреевского, С. П. Шевырева и некоторых других участников Общества любознания. Известно, что со многими членами этого кружка был связан в то время Кюхельбекер, редактировавший вместе с В. Ф. Одоевским «Мнемозину». То обстоятельство, что Мицкевич сразу же решил ходатайствовать о зачислении на службу в этот архив, свидетельствует не только об его определенных писательских и научных планах, но и о том, что он хорошо ориентировался в культурной жизни России.

Но Мицкевич не стал «архивным юношей». Началась неторопливая ведомственная переписка. О просьбе Мицкевича директор лицея известил Витта, Витт «отнесся» к министру народного просвещения, тот написал управляющему коллегией Дивову. 28 апреля Дивов ответил, что «по великому числу людей, состоящих в ведомстве сего архива, я не нахожу удобства поместить при оном кандидата Мицкевича. При том же Московский архив не имеет нисколько свободной суммы, из которой можно бы было назначить Мицкевичу даже и самое малое жалованье, отчего многие, с давнего уже времени служащие при архиве чиновники и поныне оно не получают»<sup>155</sup>. Этот ответ, пройдя в обратном порядке через все бюрократические каналы, дошел до Одессы только 13 июня 1825 г. 9 июня, излагая содержание письма Дивова, Витт писал директору лицея: «...по-сему предписываю вам объявить о сем Мицкевичу и, истребовав от него сведение, куда он определен быть желает, донести мне беззамедлительно для представления г. министру народного просвещения»<sup>156</sup>.

На этот раз Мицкевич с ответом не торопился. Только через две недели — 28 июня 1825 г. — он представил дирекции лицея следующую бумагу: «Вследствие объявленного мне нового предписания относительно выбора службы, я имею честь изъявить желание служить в канцелярии г. Московского военного генерал-губернатора. Притом я осмеливаюсь просить о снабжении меня дарованным высочайшей милостью пособием и о истребовании из Виленского университета аттестатов о прежней моей службе»<sup>157</sup>.

И опять пошли письма и «отношения»<sup>158</sup>.

Между тем в начале августа уехал Ежовский, вскоре за ним и Малевский. Не дождавшись решения своей судьбы, Мицкевич принял



ДАРСТВЕННАЯ НАДПИСЬ АДАМА МИЦКЕВИЧА П. А. ВЯЗЕМСКОМУ  
НА ЭКЗЕМПЛЯРЕ «СОНЕТОВ», ИЗДАНИЕ 1826 г. МОСКВА

Перевод: «Князю Вяземскому в знак уважения. Автор. В Москве. 1826, декабря 20»

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

участие в путешествии Собаньской с ее друзьями в Крым (с 17 августа по 16 октября). Под влиянием этого путешествия были написаны «Крымские сонеты».

Пока шла официальная «явная» переписка о Мицкевиче и место его дальнейшего пребывания и службы обсуждалось в соответствующих инстанциях, о нем шла не менее интенсивная тайная переписка, в известной мере отразившая результаты непрерывной слежки за ссыльным поэтом. Нег сомнения, что до сих пор обнаружены не все документы, зафиксировавшие результаты наблюдений над Мицкевичем, но и дошедшие до нас представляют большой интерес.

Наряду со слежкой за Мицкевичем и Ежовским, которую организовал Витт с первого же дня их пребывания в Одессе, за ссыльными поляками велось наблюдение и по указаниям других органов власти. Поводом для этого явился один случай. Мицкевич перевел в Одессе стихотворение «Хор стрельцов» (из либретто оперы Вебера «Фрейшютц», которую он слышал в одесском оперном театре). Поэт подарил перевод Малевскому, а тот переслал его своей сестре Софье с просьбой переписать музыку. Софья Малевская исполнила просьбу брата и послала в Одессу каллиграфически переписанный ею текст хора с нотами. По случаю

ее именин Ежовский послал ей поздравление, выполненное в виде шутильной грамоты на владение «Черноморским королевством», украшенной соответствующими эмблемами и картой Черного моря. Мицкевич, со своей стороны, поблагодарил Малевскую письмом, в котором в шутку обращался к ней как к «монархине» «королевства Черноморского»<sup>159</sup>. Это невиннейшее послание было перехвачено и власти обнаружили в нем «тайный смысл». Сам Новосильцев, фактический глава русской администрации в Польше, бывший, к слову сказать, инициатором репрессий против филаретов, счел нужным сообщить о подозрительном документе заместителю Царства Польского, в. к. Константину Павловичу.

30 мая 1825 г. Новосильцев писал, что «учрежден в Вильне секретным образом надзор за перепиской высланных по высочайшему повелению из польских губерний главнейших и деятельнейших членов филаретского общества <...> ныне получил я из Вильны присланное бывшим филаретом Ежовским, жительствующим в Одессе, к дочери бывш<его> ректора Виленского университета девице Софье Малевской, поздравление к ее именинам, которое, будучи адресовано к ней без письма и содержа разные чисто графические знаки, возбудило внимание рассматривающего в Вильне помянутую переписку почтового чиновника <...> При первом взгляде на поздравительный листочек, у сего представляемый, кажется он быть только небольшой худо нарисованной картой Черного моря, на берегах которого Ежовский живет. Но если принять в уважение нынешний образ мыслей Ежовского <...>, то рисунок Ежовского является в ином виде и заставляет думать, что под малозначущим начертанием скрывается тайный смысл <...> По предложениям суетных умов простирается польская держава — страна отечественной славы и неотъемлемое достоинство польского народа — от берегов Балтики до берегов Черного моря. Сии последние изображены на карточке Ежовского. Она окружена эмблемами: сверху графская корона, отличительный знак древних воевод польских, два скипетра, цветами и лавровыми листьями обвитые, по сторонам якори, эмблемы надежды, а внизу корабли, плывущие с попутным ветром, означающие успех»<sup>160</sup>.

Константин Павлович тоже отнесся к этому документу с полной серьезностью. Он немедленно переслал его в Одессу к Воронцову с просьбой организовать секретный надзор над одесскими филаретами: «Долгом поставляю просить Ваше с<иятельство>во не оставить приказать иметь за поведением Ежовского ближайшее наблюдение с тем, чтобы по примеру принимаемых обыкновенно мер в отношении к людям подобного образа мыслей, учрежден был секретный надзор за перепиской его с жителями присоединенных от Польши губерний, и если сим способом открыто будет что-либо непростительное или заключающее в себе тайный иносказательный смысл, то сообразно важности сего открытия, принимая такие к отвращению могущего возникнуть зла средства, какие признаны будут необходимыми, доставлять ко мне о всем том надлежащие сведения. Ожидая о последующем по сему вашему уведомлению, имею честь присовокупить, что о содержании настоящего моего отношения сделано мною его имп. в<еличеств>у донесение»<sup>161</sup>.

Воронцов переадресовал предписание великого князя одесскому градоначальнику. Правящий должность градоначальника Могилевский попытался наладить слежку двумя путями: он потребовал, чтобы полицейстер доставлял ему копии всех писем, отправляемых и получаемых Ежовским, и одновременно предложил дирекции лицез «учредить за поведением Ежовского самый бдительный надзор».

Любопытно отметить, что попытка организовать перлюстрацию писем ссыльных поляков оказалась неосуществленной. Пока не было

создано III Отделение, перлюстрация писем не практиковалась в широких размерах. Одесский почтмейстер Македонский в своем отношении от 14 июля отказался выполнить предписание полицмейстера, поскольку «на исполнение такого требования не имеется предписания от высшего начальства». Воронцов не настаивал, но об ответе почтмейстера сообщил Константину Павловичу, а также главноуправляющему почтовым департаментом Голицыну. Голицын вполне одобрил действия одесского почтмейстера. 9 июля 1825 г. он писал Воронцову: «Одесский почтмейстер, по своей должности, не имеет никакого права распечатывать ни получаемых во вверенной ему почтовой конторе, ни посылаемых через оную писем; а потому и невозможно сделать ему такого препоручения, как вы изволили предполагать относительно писем Осипа Ежовского»<sup>162</sup>.

Несколько бдльшие результаты, однако с полицейской точки зрения совершенно бесполезные, дал надзор, осуществлявшийся директором лицея. 3 июля «правлящий должность» директора Рихельевского лицея получил от «правлящего должность» одесского градоначальника следующее «отношение» (публикуется впервые):

Секретно

Господину правящему должность директора  
Одесского Рихельевского лицея

Его императорское высочество государь-цесаревич, уведомляя г. новороссийского генерал-губернатора и полномочного наместника Бессарабии, что по высочайшему повелению высланы из польских губерний главнейшие и деятельнейшие члены открытого в оных тайного общества, под именем филаретов, имевшего возмутительную цель, и что из числа их Осип Ежовский, жительствующий ныне в Одессе, как обнаружено с пособием принятых секретных мер, продолжает с некоторыми из жителей тех губерний переписку, скрывающую в себе ту же цель, требует приказать иметь за поведением Ежовского ближайшее наблюдение.

Его сиятельство граф Михаил Семенович Воронцов дал мне знать о таковых требованиях государя-цесаревича, предписывает с моей стороны немедленно учредить за поведением Осипа Ежовского секретный и самый бдительный надзор так, чтобы каждый его шаг известен был начальству, но чтобы он о сем нисколько сведущ не был, о наблюдениях же по сему предмету уведомить его сколько можно чаще.

По нахождению помянутого г. Ежовского при Рихельевском лицее я покорнейше прошу вас, милостивый государь, согласно изъясненному предписанию г. генерал-губернатора как о поведении г. Ежовского, так и о связях его, меня теперь же уведомить и впредь уведомлениями Вашими не оставлять по меньшей мере один раз в неделю для донесения его сиятельству.

Правящий должность градоначальника  
статский советник С. Могилевский<sup>163</sup>.

Надо, однако, отдать справедливость дирекции лицея: она не обнаружила ни вкуса, ни особой охоты к сыскной деятельности и не сделала попыток выйти за рамки чисто внешних наблюдений, которые не могли скомпрометировать поднадзорных. Дошедшие до нас два донесения директора лицея Дудровича, в которых неоднократно упоминается Мицкевич, несмотря на обстоятельность и мнимую конкретность, представляли всего лишь формальную отписку. Сыску они не давали ничего, в плане же чисто биографическом они имеют большой интерес, так как сообщают некоторые бытовые подробности жизни Мицкевича.

Ниже мы помещаем эти два документа, которые до сих пор появлялись в печати в неполном виде:

Секретно

Г<осподину> правящему должность одесского градоначальника статскому советнику и кавалеру Ст. И. Могилевскому

На отношение вашего высококородия от 3 июля № 4500 долгом себе поставляю теперь же ответить.

Согласно с высочайше подтвержденным в день 14 августа 1824 г. журналом комитета высочайше учрежденного для рассмотрения дел, относящихся до беспорядков, случившихся в Виленском университете, кандидат сего университета Осип Ежовский прислан был министром народного просвещения на службу в Ришельевский лицей. Но правление сего учебного заведения за неимением вакантных мест принять его не могло, дозволив ему, сообразно предписания его сиятельства г. управляющего лицеем, пользоваться в лицее столом и квартирою впредь до прискания себе должности. Затем государь император высочайше повелеть соизволил переместить его, Ежовского, в другие российские губернии, не оставляя в Ришельевском лицее. Вследствие сего его сиятельство предписать изволил об отобрании от него желанья: где и какой род службы избрать он пожелает. Во исполнение такового предписания г. управляющего Ришельевского лицея отобрано было от него предместником моим сведение и препровождено на благоусмотрение начальства.

Г. министр народного просвещения по учинении надлежащих отношений с начальствами тех мест, где Ежовский служить пожелал, уведомил, что он может быть помещен в Московский университет на кандидатский оклад с тем, чтобы со временем занять ему учительское место в какой-либо из гимназий Московского округа или в самом университете.

О сем немедленно было мною объявлено Ежовскому согласно с предписанием г. управляющего Ришельевским лицеем, и он 28 июня представил мне отзыв, коим изъявил желание отправиться в Москву, о чем на другой день сообщил я его с<иятельству> г. управляющему лицеем и буду иметь честь просить ваше высококорodie о выдаче ему, Ежовскому, подорожной на проезд его в Москву, как скоро правление лицея делает свое распоряжение о выдаче ему прогонных денег, и 300 рубл<ей> на путевые издержки, согласно с предписанием г. управляющего лицеем.

Что же касается до поведения Ежовского и связей его, долгом себе поставляю уведомить ваше высококорodie, что как он не состоит на службе при лицее, а только пользуется квартирою и пищей до прискания себе должности, то я до получения вашего отношения не мог иметь за ним особенного наблюдения. Поэтому относительно сего теперь могу довести до сведения вашего высококорodie только, что Ежовский занимает квартиру во внутренней части лицейского здания вместе с товарищем своим кандидатом Виленского университета Адамом Мицкевичем, который на том же вышеозначенном основании был прислан от г. министра в Ришельевский лицей и оставлен в оном без должности в ожидании разрешения начальства о поступлении его на службу сообразно его желанья при г. Московском генерал-губернаторе, и что он, Ежовский, большею частью находится в отлучке из дому лицея вместе с товарищем своим, иногда только обедает или ужинает у эконома лицея.

Довода о сем до сведения вашего высококорodie, долг имею присовокупить, что по причине непрерывного почти отсутствия кандидата Ежовского из дому лицея градская полиция удобнее может доставить потребные сведения о поведении его и о связях в городе, согласно предписания г. генерал-губернатора, а я со своей стороны соответственно



ОДЕССА. ТЕАТРАЛЬНАЯ ПЛОЩАДЬ

Гравюра К. Бассоли, 1830-е гг.

Научная библиотека им. А. М. Горького, Одесса

тому же предписанию с сего времени впредь до отъезда в Москву не премину иметь ближайшее наблюдение за его поступками в самом доме заведения и буду иметь честь по меньшей мере один раз в неделю давать о том сведения вашему высокородию.

Исправляющий должность директора

надвор&lt;ный&gt; советник

Д уд р о в и ч

№ 679

3 июля 1825 г. <sup>164</sup>

Через неделю Дудрович доносил следующее:

С е к р е т н о

Господину правящему должность одесского градоначальника  
статскому советнику и кавалеру Ст. И. Могилевскому

На отношении вашего высокородия от 3 июля текущего <года> № 4500, я тогда же имел честь ответить. Согласно оному, имея наблюдение за поступками кандидата Виленского университета Осипа Ежовского в самом доме лицея в течение недели, то есть с 4-го по 11-е число текущего июля месяца, заметил я, что Ежовский часто выходил в город один или с товарищем своим г. Мицкевичем, в течение дня неоднократно возвращался на квартиру, в иные дни — позже 10 часов вечера, также один или с означенным товарищем. К ним обоим на квартиру часто приходил некто из филаретов г. Малевский, приехавший в Одессу вместе с ними для поступления на службу к г. новороссийскому генерал-губернатору. Сверх того заходили к ним иногда два неизвестных мне поляка. Знакомства и связей его, Ежовского, с чиновниками лицея я доселе не заметил никаких, кроме того, что за отсутствием во время, назначенное в заведении для обеда и ужина, иногда заходил он обедать или ужинать к эконому лицея г. Богдановичу, а обыкновенно, сколько мне возможно было проведать,

обедает и ужинает в гостинице, называемой клубом, вместе с упомянутыми товарищами своими, Мицкевичем и Малевским. О чем имею честь донести до сведения вашего высокородия, согласно отношения ко мне от 3 июля.

Исправ<ляющий> должность директора Ришельевского лицея  
надвор<ный> советн<ик> проф.

<Д у д р о в и ч>

Июля 11-го дня 1825 г.  
Одесса<sup>165</sup>.

Очевидно, полицмейстер попытался какими-то другими путями организовать наблюдение за Ежовским. Во всяком случае до нас дошло донесение «градской полиции» (от 14 июля)<sup>163</sup>, в котором имя Мицкевича не упоминается. Но интересно отметить, что в то время как директор лицей Дудрович подчеркивал «беспрерывное почти отсутствие кандидата Ежовского из дому лицея» — полиция доносила, что он «бывает вхож только в дом помещика Залеского» (о дружбе которого со ссыльными поляками, в первую очередь с Мицкевичем, мы уже упоминали выше). Это полицейское донесение было тоже вполне благоприятным для поднадзорных: в нем сообщалось, что «ничего подозрительного не замечено».

Но особенно тщательный надзор за Мицкевичем был организован Виттом, этим опытейшим мастером политического шпионажа и провокаций. Нет сомнений, что Витт организовал надзор за Мицкевичем и Ежовским с первого же дня их приезда.

В записке «О поручениях, в которых был употреблен императором Александром I» (уже частично цитированной нами), Витт писал: «...его величество изволил поручить мне употреблять агентов, которые никому не были бы известны, кроме меня, обо всем же относящемся до сей части, никому, как самому императорскому величеству, доносить было не позволено»<sup>167</sup>. О результатах своих наблюдений Витт ничего не сообщал местным властям и в свою очередь не пользовался материалами, собранными ими.

По распространенному мнению (во всяком случае, Вигель писал об этом с полной определенностью), Витту было поручено наблюдать за поступками Воронцова, «подозреваемого в либерализме»<sup>168</sup>. Интриговавший против Воронцова и сам мечтавший занять его пост, Витт, конечно, был рад всякому случаю противопоставить полицейскую бесталанность мнимого либерала Воронцова своей сыщицкой опытности. Между чиновниками новороссийского генерал-губернатора и подчиненными Витта существовала полная отчужденность и даже враждебность<sup>169</sup>.

Естественно, что агенты Витта вели слежку за Мицкевичем и Ежовским совершенно независимо от слежки, организованной по поручению Воронцова. Как мы знаем, Воронцов не проявил в данном случае собственной инициативы, а действовал по прямому поручению в. к. Константина Павловича.

Сейчас не может быть никаких сомнений в том, что известную роль в осуществлении тайного политического надзора над Мицкевичем играла Каролина Собаньская. Мы не будем заниматься историей ее личных отношений с Мицкевичем; над этим достаточно потрудились биографы поэта. Но при изучении политической биографии Мицкевича необходимо заглянуть в ту сферу деятельности Собаньской, которая до сих пор оставалась либо недостаточно освещенной его биографами, либо вовсе не известной им.

Каролина-Розалия-Текла Собаньская, урожденная гр. Ржевуская (1794—1885), сестра писателя Генрика Ржевуского и Эвелины Ганской,

ставшей впоследствии женой Бальзака<sup>170</sup>, к тому времени, когда с ней встретился Мицкевич, находилась в двусмысленном положении невенчанной жены генерала Витта. Вигель, наблюдавший ее как раз в эти годы, дает обстоятельную характеристику Собаньской, из которой мы заимствуем важнейшие данные:

«Причиной особого ко мне благоволения Витта была незаконная связь его с одною женщиною и ею мне оказываемая приязнь. Каролина Адамовна Собаньская, урожденная графиня Ржевуская, разводная жена, составила с ним узы, кои бы легко могли быть извиняемы, если бы хотя немного прикрыты были тайной. Сколько раз видели мы любовников, пренебрегающих законами света, которые покидают его и живут единственно друг для друга. Тут ничего этого не было. Напротив, как бы гордясь своими слабостями, чета сия выставляла их на показ целому миру. Сожитие двух особ равного состояния предполагает еще взаимность чувств: Витт был богат, расточителен и располагал огромными казенными суммами. Собаньская никакой почти собственности не имела, а наряжалась едва ли не лучше всех и жила чрезвычайно роскошно — следственно, не гнушалась названием наемной наложницы, которое иные ей давали <...> Ей было уже лет под сорок, и она имела черты лица грубые, но какая стройность, что за голос и что за манеры! Две или три порядочные женщины ездили к ней и принимали у себя, не включая в то число графиню Воронцову, которая приглашала ее на свои вечера и балы единственно для того, чтобы не допустить явной ссоры между мужем и Виттом; Ольга же Нарышкина-Потоцкая, хотя по матери и родная сестра Витту, не хотела иметь с ней знакомства, все прочие также чуждались ее. В этом унижительном положении какую твердость умела она показывать и как высоко подыматься даже над преследующими ее женщинами! Мне случалось видеть в гостиных, как, не обращая внимания на строгие взгляды и глухо шумящий женский ропот негодования, с поднятой головой она бодро шла мимо всех прямо к последнему месту, на которое садилась, ну право, как бы королева на трон. Много в этом случае помогали ей необыкновенная смелость (ныне ее назвал бы я наглостию) и высокое светское образование. Она еще девочкой получила его в Вене, у родственницы своей, известной графини Розалии Ржевуской <...> Салон этой Розалии некогда слыл первым в Европе по уму, любезности и просвещению его посетителей. Нашей Каролине захотелось нечто подобное завести в Одессе, и ей несколько удалось. Пален и Потоцкий часто бывали то на утренних, то на вечерних ее беседах и веселостию ума оживляли на них разговор; Витта считать нечего, он имел собственный дом, а проводил тут дни и ночи <...> Вообще из мужского общества собирала она у себя все отборное, прибавляя к тому много забавного, потешного <...> Из Вознесенска, из военных поселений приезжали к ней на поклонение жены генералов и полковников, мужья же их были перед нею на коленях»<sup>171</sup>.

Но Собаньская была не просто «роковая женщина», «опытная кокетка», «опасная оболъстительница» и т. п., как ее характеризовали наблюдатели и мемуаристы, — она была также политической шпионкой.

Недавно в архиве III Отделения было найдено подлинное письмо Собаньской, дающее ясное представление о ее деятельности в качестве агента и осведомителя по польским делам. В письме на имя Бенкендорфа (в 1832 г.) она между прочим писала: «...смею сказать, что никогда женщине не приходилось проявить больше преданности, больше рвения, больше деятельности в служении своему монарху, чем проявленное мною, часто с риском погубить себя»<sup>172</sup>.

Это письмо относится к несколько более позднему периоду, чем тот, который мы сейчас рассматриваем. Однако можно не сомневаться, что

и во время пребывания Пушкина и Мицкевича в Одессе Собаньская была также причастна к этого рода «деятельности». Злой и недоброжелательный, но очень наблюдательный и обычно хорошо осведомленный, Вигель, заключая уже цитированную выше характеристику Собаньской, писал: «Из благодарности питал я даже к ней нечто похожее на уважение; но когда несколько лет спустя узнал я, что Витт употреблял ее и серьезным образом, что она служила секретарем сему в речах столь умному, но безграмотному человеку, и писала тайные его доносы; что потом из барышей поступила она в число жандармских агентов, то почувствовал неборимое от нее отвращение. О недоказанных преступлениях, в которых ее подозревали, не буду и говорить. Сколько мерзостей скрывалось под щеголеватыми ее формами!»<sup>173</sup>. Что имел в виду Вигель, говоря о «недоказанных преступлениях» Собаньской, — мы не знаем.

Таков был подлинный облик женщины, с именем которой мы так часто встречаемся на страницах одесской главы биографии Мицкевича. Нет, конечно, нужды доказывать, что ни Мицкевич, ни кто-либо другой не имели никакого представления о причастности Собаньской к политическому сыску. Она была так тщательно законспирирована, что сам царь в течение долгого времени не знал ее истинной роли и даже подозревал, что она была членом тайных польских патриотических кружков<sup>174</sup>.

Мицкевич, по мнению новейшего биографа, очевидно, полагал, что частые посещения салона Собаньской, пребывание в обществе самого Витта отвлекали от него подозрения в связях с русскими и польскими революционными и оппозиционными кружками<sup>175</sup>. Мицкевич не подозревал, что именно в салоне Собаньской он непосредственно оказывался в самом фокусе наблюдения соглядатаев Витта<sup>176</sup>.

## VI. СВЯЗИ МИЦКЕВИЧА С ПРЕДСТАВИТЕЛЯМИ ТАЙНЫХ ОБЩЕСТВ

Какие же результаты дала слежка за Мицкевичем?

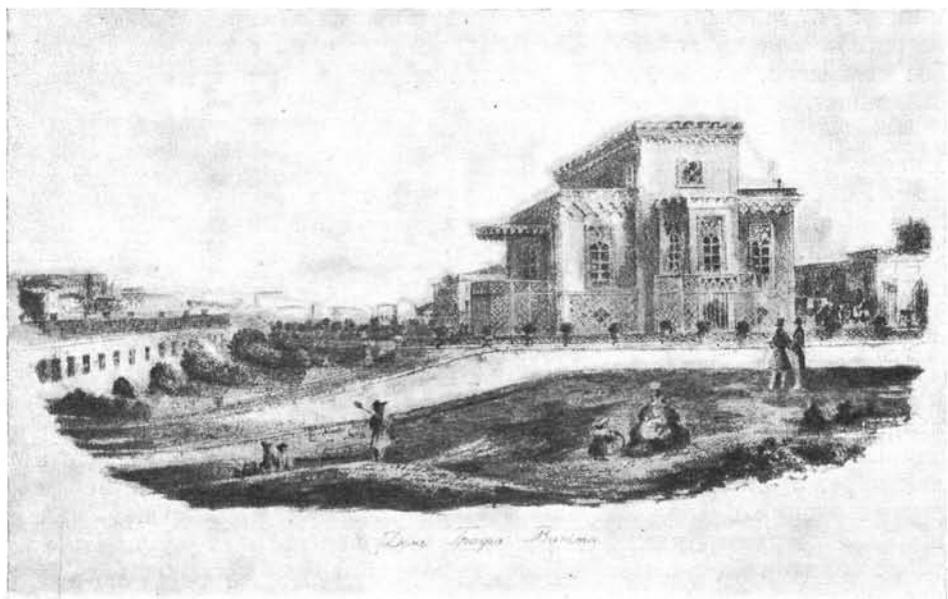
В письме к Александру I от 13 августа 1825 г. Витт сообщал: «Государь! Так как в Ришельевский лицей, в Одессу, были присланы из Петербурга два виленские профессора, замешанные в деле, случившемся на Литве, то я счел долгом поручить строгий надзор за ними тайным агентам».

Это письмо Витта было опубликовано без каких-либо комментариев еще в 1882 г. на страницах «Русской старины». Далее Витт сообщал: «Несколько времени спустя после их приезда, министр народного просвещения предписал мне объявить им, что они не могут оставаться в Одессе, но что им разрешается взять место внутри России; в ожидании ответов, которые должны были получиться, в Одессе собралось множество жителей польских губерний, что вынудило меня следить за ними с особенной строгостью, но здесь поведение их оказалось вполне безупречным»<sup>177</sup>.

Непосредственно за этим следуют строки, которые придают документу исключительное значение: «Стараясь открыть причину недовольства там, где оно могло скрываться, мои агенты, по счастливой случайности, попали на след гораздо более важного и серьезного дела, могущего иметь самые печальные последствия, так как тут идет, государь, о спокойствии Вашего императорского величества. В письме, написанном мною генералу Дибичу в Варшаву, я коснулся слегка одного дела, по поводу которого он желал иметь от меня некоторые сведения, но в то время я сам был еще по пути к открытию истины, теперь же имею все сведения, знаю также цель, которую желают достигнуть, и потому осмеливаюсь просить Ваше величество аудиенции, так как дело касается вещей, которые не

могут быть переданы письменно и которые возможно сообщить лишь Вашему императорскому величеству — Вы будете, государь, на пути к разъяснению многих событий». Чтобы скрыть истинную цель своей поездки, Витт просил Александра I, предполагавшего отправиться в Таганрог, заехать по пути в военные поселения: там Витт должен был встретить его в порядке выполнения своих служебных обязанностей.

В этот момент «открытие» было как нельзя больше на руку Витту. Отношения его с Аракчевым к тому времени вконец испортились на почве служебной конкуренции. К тому же в военных поселениях обнаружилось крупные денежные злоупотребления<sup>178</sup>. «Хозяйственная часть» всегда была слабым местом Витта. За ним постоянно числились



ОДЕССА. ДОМ ГРАФА ВИТТА

Автодитография К. Бассоли, 1830-е гг.

Научная библиотека им. А. М. Горького, Одесса

крупные недостатки казенных сумм, но, как говорил Вигель, «все сходило ему с рук, и он вымалывал их уплату»<sup>179</sup>. Однако на этот раз дело принимало, повидимому, особенно неприятный оборот. С 1823 г. Витт добивался у царя аудиенции, но до осени 1825 г. безуспешно<sup>180</sup>.

Здесь же следует отметить факт, любопытный в бытовом и психологическом плане: через четыре дня после того, как было послано упомянутое донесение, Витт отправился в увеселительное путешествие в Крым, сопровождая Собаньскую, а среди небольшой группы его спутников был один из «виленских профессоров» — Мицкевич.

Встреча Витта с императором состоялась в Таганроге 19 октября 1825 г. Как известно, во время этой встречи Витт доложил, что, действуя с помощью Бошняка, он напал на след тайного революционного общества. Генерал Дибич в донесении от 4 декабря 1825 г. писал, что 18 октября Витт сообщил о существовании Общества, «которое значительно увеличилось в обеих армиях и старалось, но тщетно, с помощью генерал-лейтенанта Мих. Орлова и сыновей генерала Раевского заразить и Черномор-

ский флот, что бывают часто собрания в фамилии Давыдовых, кои все заражены сим духом». Витт назвал тогда же несколько имен деятельнейших членов Общества: Муравьева, Бестужева, Рылеева, сообщил, что «18 пехотная дивизия в особенности заражена сим духом и что в оной играет главную роль <...> полковник Пестель». Витт изложил тогда же Александру I свои дальнейшие провокаторские планы, в частности он рассчитывал получить важнейшие сведения на предстоящих «киевских контрактах». Выслушав сообщения Витта, государь, по словам Дибича, приказал ему «продолжать открытия свои и изволил отправиться в Крым»<sup>181</sup>. В высших правительственных сферах не оспаривали у Витта заслуг по разоблачению Тайного общества, о существовании которого к тому времени были получены уже сведения и от Шервуда. Как немного позже писал член Следственной комиссии (в будущем военный министр) Чернышев: «...если бы стекшиеся обстоятельства <смерть Александра I> не остановили действий г. Бошняка, то, при руководстве гр. Витта, он, без сомнения, достигнул бы предложенной цели, и тогда услуга, им оказанная, имела бы важнейшие последствия»<sup>182</sup>.

В только что цитированном письме Витта многое остается неясным. Может даже показаться, что первая и вторая части письма имеют совершенно самостоятельное значение и чисто механически и случайно оказались объединенными в рамках одного донесения. Однако, как нам представляется, между первой и второю частями документа есть какая-то внутренняя связь, иначе ни с логической, ни с психологической точки зрения, ни даже с точки зрения тогдашнего делопроизводства было бы неоправданным упоминание о «виленских профессорах».

Какая же связь была между «открытием» Виттом Тайного общества и слежкой за Мицкевичем и Ежовским? Прежде всего следует отбросить предположение, будто наблюдение над Мицкевичем и Ежовским явилось для Витта толчком к открытию заговора. Как известно, Витт, по крайней мере, с января 1825 г., то есть за месяц до встречи с Мицкевичем, имел сведения о «подозрительных» связях В. Л. Давыдова. Начальник штаба 2-й Армии Киселев еще раньше стал подозревать о существовании тайной организации в армии. Материалы архива Киселева свидетельствуют, что он уже в январе 1825 г., во время киевских «контрактов», заметил «связь Пестеля, Барятинского и Юшневского с киевским помещиком отставным полковником Давыдовым, пользовавшимся уже репутацией вольнодумца; в том смысле говорил с ним и граф Витт, бывший также тогда в Киеве <курсив наш. — С. Б.>. Следствием этих объяснений было учреждение посредством тайных агентов надзора за Пестелем и Давыдовым»<sup>183</sup>. Агенты Витта продолжали действовать, и вскоре после приезда Мицкевича в Одессу в распоряжении Витта оказались точные данные о существовании Тайного общества.

Как известно, по следам этого «открытия» Витт пустил свою ищейку — Бошняка.

Рассказывая о поручениях Витта, с которым его связывали «одинакие чувства, одинакие мнения», Бошняк в своей «Записке» свидетельствует: «Итак, в апреле прошлого 1825 года приступлено было к самому делу»<sup>184</sup>. В «Алфавите декабристов» указано, что Витт в апреле 1825 г. поручил Бошняку «проникнуть в мрак, скрывающий злодеев»<sup>185</sup>. По словам Бошняка, Витт указал ему на семью Давыдовых и на В. Н. Лихарева, который по своим связям с Давыдовыми может ему открыть доступ в это «гнездо крамолы»<sup>186</sup>. Получив указания, Бошняк приступил к «исследованиям». Эта же версия подтверждается С. Г. Волконским; в своих «Записках» он дал точное описание «деятельности» Витта — Бошняка<sup>187</sup>.

Осуществляя наблюдения над участниками Тайного общества, Витт, безусловно, не прекращал слежку за Мицкевичем и Ежовским. Инстинктом сыщика он не только угадал в них лиц «подозрительных», но все время настойчиво пытался установить непосредственное участие Мицкевича в тайных обществах. Витт, как мы убеждены, имел достаточно данных о связях Мицкевича и Ежовского с людьми, в той или иной мере причастными к тайным обществам, и не упускал из поля зрения «виленских профессоров», надеясь, что сможет их уличить. У нас нет возможности приоткрыть завесу над сыщицкой деятельностью Витта, и поэтому мы не знаем, известно ли ему было истинное отношение Мицкевича к декабристам, но мы видим, как он настойчиво искал нитей, которые дали бы основание прямо связать Мицкевича с участниками заговора. Слежку за ними и наблюдения за Мицкевичем Витт вел с помощью одних и тех же наблюдателей. Эти два «дела» были у него в производстве одновременно, он подозревал наличие между ними внутренней связи, но не мог обосновать ее — это-то и отразилось в его донесении, цитированном выше.

То обстоятельство, что Витту тогда не удалось обнаружить связей Мицкевича с декабристами и членами польских революционных кружков, впоследствии некоторые друзья поэта считали «чудом». Так, например, Леонард Реттель, имевший возможность неоднократно беседовать с Мицкевичем, писал в 1880 г.: «О связях Мицкевича с русскими литераторами и даже конспираторами слышал я много подробностей при разных обстоятельствах от него самого <...> И поистине чудом Мицкевич, ведя близкое знакомство с декабристами и рассуждая с ними об их проектах будущей конституции, не был замешан в восстании, уцелел и потом, во время правительственного террора, когда велось следствие».

Вспоминая через много лет о настроениях в России накануне восстания на Сенатской площади, Мицкевич говорил, что тогда «открыто создавались заговоры». В этом утверждении, думается, были обобщены и одесские наблюдения<sup>188</sup>.

Сыщики Витта не прекращали слежку за Мицкевичем и его друзьями. Так, Малевский в письме от 12 августа, рассказывая, что Витт принимает его у себя, тут же сообщал о некоем Г., который, по общему мнению, является шпионом<sup>189</sup>. У Витта были соглядатаи и в самом лицее. В этой роли, по словам Мурзакевича, выступал, например, «аудитор Суходольский, поселившийся в здании лицея и питавшийся на его счет»<sup>190</sup>.

Но знаменательно другое: у нас есть все основания утверждать, что Мицкевич в течение длительного времени был в сфере наблюдений Бошняка, хотя в «Записках» этого шпиона нет никаких упоминаний ни о Мицкевиче, ни о Ежовском<sup>191</sup>.

Б. Е. Сыроечковский рассказал о существовании рукописи «Биографические сведения об А. К. Бошняке», составленной в 1901 г. родственником Бошняка. Автор, воссоздавая на основании семейных преданий биографию предателя, «изображает его бесхарактерной жертвой хитрого Витта»; вся роль Бошняка в раскрытии Тайного общества сводилась якобы к тому, что он разбалтывал у Собаньской слышанное им от своих сочленов по Обществу, а Собаньская все передавала Витту<sup>192</sup>. Нет надобности опровергать эту насквозь лживую версию, но в ней есть один важный штрих, который бесспорно отражает нечто из реальной действительности: это упоминание о Собаньской и ее салоне и о роли Собаньской как осведомителя Витта. Трудно сомневаться и в наличии контакта, а может быть, и «делового сотрудничества» между Собаньской и Бошняком. Как все лица, связанные в деловом или личном плане с Виттом, Бошняк был завсегдаем салона Собаньской. Помимо всего

прочего, это было удобно и с точки зрения конспирации. Как мы знаем, Мицкевич часто посещал гостиную Собаньской. И именно Мицкевич, а не Ежовский. Ежовский почти никогда не появлялся в аристократических салонах, где его, по словам Собаньской, считали «смертельно скучным ученым»<sup>193</sup>.

Но Бошняк был не только постоянным посетителем салона Собаньской, он был и одним из участников поездки в Крым. Напомним, что в этой поездке, в которой принимал участие Мицкевич, Собаньскую сопровождала «свита» в составе ее бывшего мужа — Иеронима Собаньского, брата — графа Генрика Ржевуского и неизменного спутника — Витта, которого, в свою очередь, сопровождал Бошняк. Витт, имевший срочные дела, характер которых нам уже известен, должен был оставить общество Собаньской значительно раньше конца увеселительной прогулки. Как долго сопровождал «путешественников» Бошняк — мы не знаем. Собаньская, весьма подробно рассказавшая о своей крымской прогулке (ее рассказ лег в основание работы Ржонжевского)<sup>194</sup>, перечисляя состав участников, умолчала о Бошняке, и это умолчание само по себе чрезвычайно красноречиво.

О Бошняке как участнике поездки в Крым рассказали сын и дочь Мицкевича. Дочь поэта — Мария — во фрагментах своих мемуаров «Воспоминания о моем отце» рассказывает: «...когда отец с Ежовским были в Крыму, генерал Витт пригласил их на непродолжительную поездку по тому прекрасному краю <...> К обществу, в котором было несколько дам, присоединился какой-то ученый немец, энтомолог, чрезвычайно скромный и незаметный, неряшливо одетый, в очках, на которого никто не обращал внимания. Быстро завязалось знакомство между ним и двумя поляками; беседовали о разном». «Энтомолог», между прочим, «расспрашивал» их «о месте их рождения, об их занятиях, положении дел в крае <Польше? — С. Б.>, причинах их пребывания в Крыму и т. д. Но, — продолжала Мария, — они, выученики базилианов, придерживались правила, которое отец позже сформулировал в „Дзядях“ словами: „ничего не знаю, ни о чем не расскажу“». Через две недели после того, как они возвратились в Одессу, Мицкевич и Ежовский были приглашены на званый обед к Витту, и «отец с удивлением узнал немца, который сменил скромную одежду на парадный мундир с орденами». Он оказался крупным полицейским чиновником. Дочь Мицкевича записала те остроумные и двусмысленные реплики, которыми обменялись Витт и Мицкевич: — «Кто же, наконец, этот господин? Я полагал, что он занимался только ловлей мошек? — О, да, — ответил генерал, — он нам помогает в ловле мошек всякого рода»<sup>195</sup>.

С другой версией этого же рассказа мы встречаемся в книге «Жизнь Адама Мицкевича», написанной его сыном Владиславом<sup>196</sup>. Хотя Владислав в этом случае ссылается на рассказ сестры, как на единственный источник, его повествование включает в себе и некоторые новые данные. По словам Владислава, разговор о мошках произошел не в Одессе, а в Крыму. Но в повествовании Владислава шпион фигурирует не в качестве «немца» (источник ошибки Марии Мицкевич ясен: отчество Бошняка звучало не по-русски: Карлович); здесь он назван своим подлинным именем. Но самое интересное другое. В то время как дочь Мицкевича писала, что Мицкевич и Ежовский в разговоре с Бошняком были необычайно сдержанны, Владислав пишет: позже, «когда они <Мицкевич и Ежовский> узнали, что это за „птица“ Бошняк, они испугались, вспомнив, какие суждения ими высказывались в его присутствии».

Нет сомнения, что обе версии восходят к одному и тому же источнику — к рассказу самого поэта. Но надо учитывать, что рассказывал он через много лет после совершившихся событий, а записан его рассказ был еще

## Свидетельство.

Объявляю что Кандидат Вильгельм  
Университета Адама Мицкевич, согласно  
решению Коллегии отъезда, отправился в Моск-  
ву для определения места на должность  
в Кандидатского Коллегии Военной  
Кавалерии Коллегии Генерал-Адъютанта Князя Дмитрия Вла-  
димирова Толстого, по званию Б. П. Кавалер-  
и Юнкера и достоинства Благочестия не-  
иметь ему свободный пропуск. В закон-  
дательстве в том же дело ему сделан  
по Вильгельмского Кандидатского  
подписания акта присвоения Кавалер-  
и Юнкера отъезда. В Одессе Ноября 12 дня 1825 года  
Подпись Правляющей Должности Директора Кавалер-  
и Юнкера Коллегии Генерал-Адъютанта

Виза:  
 По добросовестности Правляющей Должности Директора Кавалер-  
и Юнкера Коллегии Генерал-Адъютанта

СВИДЕТЕЛЬСТВО ДЛЯ ПРОЕЗДА ИЗ ОДЕССЫ ДО МОСКВЫ, ВЫДАННОЕ  
 АДАМУ МИЦКЕВИЧУ 12 НОЯБРЯ 1825 г.  
 Одесский областной архив

позже. Таким образом, в данном случае надо делать двойную поправку на «ошибки памяти». Запомнить кое-что мог и рассказчик и те, кто через много лет записали его рассказ. Безусловно, Владислав соблюдал большую точность в изложении фактов, чем Мария. В отличие от сестры, он был не только мемуаристом, но и исследователем и много лет жизни потратил на собирание материалов для биографии отца. Живя в Париже, в центре польской политической эмиграции, он имел возможность проверить воспоминания, сопоставив их с сообщениями очевидцев и хорошо осведомленных лиц. Ему нетрудно было установить, кто скрывался под личиной «ученого немца» в воспоминаниях его сестры. Позорная слава Бошняка была еще жива в памяти, и, следует тут же заметить, это зловещее имя было названо самим Мицкевичем. Трудно также усомниться, что рассказ сына-биографа о той тревоге, которая охватила поэта, когда он узнал, что находился в течение долгого времени под наблюдением шпиона, совершенно обоснован.

Как видим, и Мария и Владислав сообщают, что под наблюдением Бошняка в Крыму, наряду с Мицкевичем, был и Ежовский. Но в действительности Ежовский в крымской поездке не участвовал. Трудно предположить, что имя Ежовского в данной связи названо совершенно ошибочно. Скорее всего в цитированном выше рассказе слились воспоминания о Крыме и об Одессе, где Бошняк мог встречаться с Ежовским.

В 1842 г. в парижских лекциях о славянских литературах Мицкевич, рассказывая, как был раскрыт заговор декабристов, уделил много внимания Витту и Бошняку. Он ни одним словом не упомянул о своем знакомстве с генералом Виттом и с его агентом, и только то непропорционально большое место, которое он уделил этим лицам в своем коротком рассказе, и подробности, сообщенные о них, могут свидетельствовать об особом интересе Мицкевича к этим двум «героям» недавних исторических событий.

Хотя в заговоре, говорил Мицкевич с кафедры в Сорбонне, участвовали сотни людей, среди русских и поляков не нашлось ни одного предателя. «Доносчиком был иностранец, по имени Шервуд <...>, который сообщил о всем Витту <...>, который и до донесения Шервуда имел сведения о заговоре, представленные одним агентом, имя которого не называет ни один официальный документ, ни материалы следствия. Этот предатель, наиболее ловкий шпион из всех известных героев этого рода, даже шпиона романа Купера, назывался Бошняк <...> Выдавая себя за писателя и под видом натуралиста, он сопровождал всюду генерала Витта. Он обладал хорошими манерами, владел иностранными языками <...> Осведомленный им генерал Витт не спешил, однако, уведомить правительство. С одной стороны, он ненавидел Аракчеева, который стоял во главе государственных дел; с другой стороны, он хотел раньше подробнее узнать, каковы были планы и средства заговорщиков, чтобы решить, быть ли с ними или быть против них, но донесение Шервуда заставило его послать рапорт в Петербург»<sup>197</sup>.

Все изложенное выше не оставляет сомнений в том, что Витт, организуя слежку за участниками тайных обществ, вел одновременно наблюдение за Мицкевичем и Ежовским, стремясь найти следы их связей с заговорщиками. Витту, вероятно, помогали в этом деле, кроме мелких шпионов, Бошняк и Каролина Собаньская.

Но шпионам все же не удалось ухватиться ни за одну из тех нитей, которые связывали Мицкевича с тайными обществами.

Нам кажется, что этих нитей было много. Вспомним о письме Бестужева и Рыльева к Туманскому, которое привез Мицкевич. К счастью для Мицкевича, а также для Туманского, сделавшего безмятежную чинов-

ничью карьеру, письмо это не было перехвачено. Между тем, если бы оно было обнаружено, оно навело бы шпионов на важный след и послужило бы серьезным свидетельством близости Мицкевича к заговорщикам.

Весьма вероятно, что Мицкевичу пришлось встречаться в Одессе и с представителями польских тайных обществ, вступивших в переговоры с «южанами».

Как указывалось выше, по пути в Одессу Мицкевич с друзьями побывал в Киеве, тотчас же после «контрактов», на которых состоялась встреча «южан» с представителями тайных польских обществ. Мы также уже отмечали, что, повидимому, Мицкевич встречался в Одессе с Олизаром, Мошинским и Яблоновским, вступившими в политический контакт с декабристами и осужденными после разгрома восстания.

Нам представляется, что нити, тянувшиеся от Мицкевича к декабристам, шли не через польские аристократические гостиные, а через кружки шляхетско-польской интеллигенции, с которой Мицкевич, как мы знаем, был наиболее тесно связан и в социальном и в идейно-политическом отношении. Члены Южного общества установили контакт с польскими национально-революционными организациями, хотя и отказывались принимать членов этих организаций в состав своего Общества<sup>198</sup>. В Обществе Соединенных Славян было немало поляков, выходцев из мелкой шляхты. Интересно, кстати, заметить, что в «Алфавите декабристов» упомянут «староконстантиновский помещик» Качковский, у которого были найдены «правила Славянского Общества на польском языке»<sup>199</sup>. Не родич ли он того Качковского, с которым Мицкевич встречался в Одессе? По царскому указу от 2 мая 1824 г., как мы знаем, был учрежден особый надзор за стекавшимися в Одессу «неблагонадежными лицами», в особенности из польских губерний. К категории этих лиц был отнесен и Ф. Ковальский, с которым Мицкевич поддерживал дружеские отношения. Ковальский вместе с двумя другими поляками был арестован. Хотя их обвиняли всего только в отсутствии паспортов, этим делом занялся сам Александр I. 30 сентября 1825 г. из Таганрога пришло распоряжение царя выпустить их из крепости и разрешить им вернуться на родину; другими словами, они были высланы из Одессы<sup>200</sup>.

Здесь же следует снова напомнить, что Маврикий Гославский, один из представителей одесской польской шляхетско-разночинной интеллигенции, был автором стихотворения, которое может считаться первым в польской литературе поэтическим откликом на восстание декабристов. Его перу принадлежала написанная в 1826 г. в Одессе элегия «На смерть Пестеля, Муравьева и других мучеников русской свободы». В этом стихотворении, несмотря на условно-сентиментальную форму (девушка, стоящая у гроба и раздирающая себе грудь; и т. д.), ясно выражены общественно-политические симпатии автора; это стихотворение, конечно, характеризует не только Гославского, но и ту общественную среду, к которой он принадлежал. Не случайным, как нам кажется, было и то, что, называя «мучеников русской свободы», Гославский упомянул двух руководителей Южного общества. Ведь именно с «южанами» устанавливали связи польские революционные и патриотические организации.

Нами было уже приведено свидетельство Качковского о тайных встречах и собраниях, в которых участвовал Мицкевич. И нет, конечно, сомнения в том, что поэт разделял настроения этой среды.

15 октября 1825 г. Мицкевич возвратился в Одессу из Крыма.

Затянувшаяся переписка об определении Мицкевича на новое место службы закончилась. 20 октября в лицее было получено и рассмотрено на совещании правления 31 октября письмо Витта от 15 октября. Он сообщал о согласии московского военного генерал-губернатора

кн. Д. В. Голицына зачислить Мицкевича в свою канцелярию. Одновременно предписывалось снабдить Мицкевича прогонными деньгами<sup>201</sup>.

Мицкевич не очень торопился с отъездом<sup>202</sup>. Но 12 ноября ему была выписана подорожная<sup>203</sup> (см. воспроизведение на стр. 459 настоящего тома), и он отправился в путь<sup>204</sup>.

\* \* \*

На предшествующих страницах мы изложили все, что нам известно о связях Мицкевича с декабристами в одесский период его биографии. Сделаем некоторые выводы.

Одесса 1825 г. была одним из видных центров революционных и антиправительственных настроений. Николай I, как мы знаем, даже склонен был, сильно преувеличивая роль Одессы в революционном движении того времени, считать этот город «гнездом заговорщиков». Приведенные выше сведения не дают права утверждать, что Мицкевич был непосредственным участником деятельности заговорщиков, но этот материал говорит о том, что Мицкевич был связан с ними.

В этой работе мы стремились держаться только тех фактов, которые засвидетельствованы документами. Мы, конечно, далеки от мысли, что приведенные нами материалы дают возможность осветить со всей полнотой важнейший вопрос политической биографии Мицкевича — вопрос о его связях с тайными обществами накануне восстания декабристов. Многие еще остаются неясным, недоказанным, оставляя почву для всякого рода предположений. Будем надеяться, что дальнейшие исследования дадут большие результаты. Окончательную же ясность смогут внести только новые документальные находки.

Некоторый материал по вопросу об идейно-политическом развитии Мицкевича одесской поры может дать углубленный анализ его произведений, написанных или задуманных в Одессе. Не ставя перед собой такой задачи, мы позволим себе, однако, отметить, что внимание исследователя особенно должен привлечь «Привал в Упите». В этом написанном в Одессе произведении Мицкевич со всей страстью писателя-патриота проклинает пана Сицинского, который

Отравлял людей, владел чужой казной,  
И королям мешал, и край губил родной!

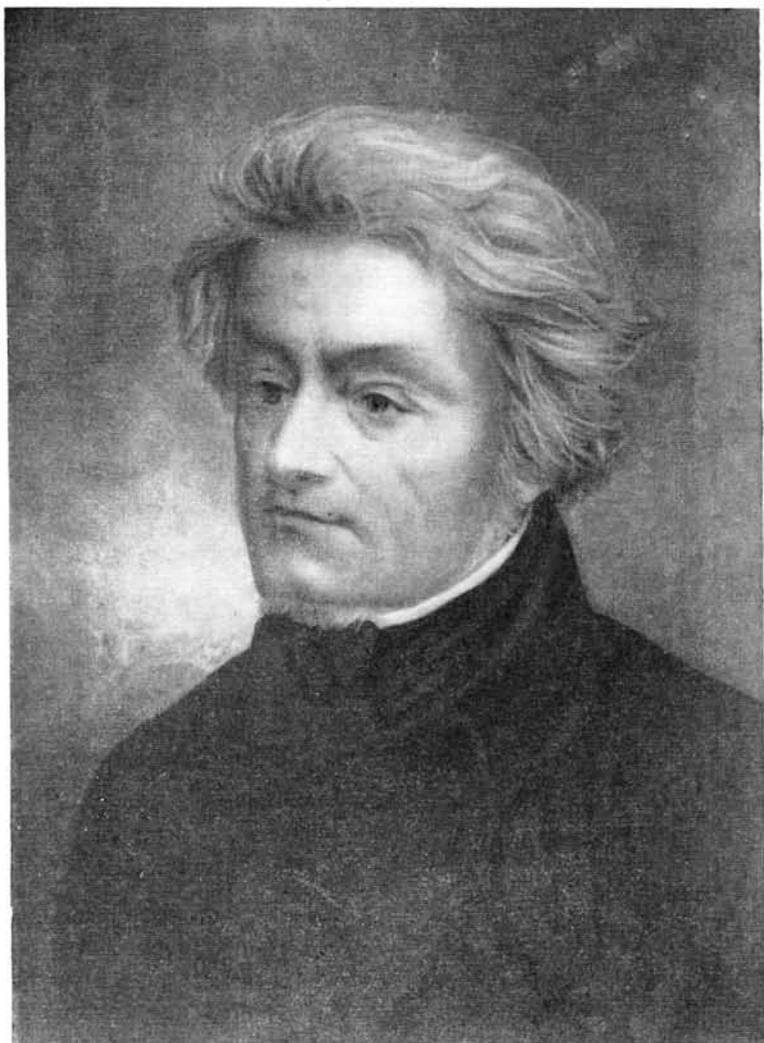
По словам Мицкевича, Сицинский, депутат сейма от Упиты (1652), первый подал пример срыва решений сейма незаконным применением вето, чем нанес сокрушительный удар королевской власти, а страну поверг в водоворот шляхетской анархии. В лице Сицинского Мицкевич выносил гневный обвинительный приговор магнатству, которое своей классово-своекорыстной, антинациональной политикой, антипатриотическими, предательскими делами распатало польское государство и сделало неизбежной его гибель.

Не менее плодотворным в этом же плане может быть анализ такого сложного произведения Мицкевича, как «Конрад Валленрод».

Исследователю одесской главы биографии Мицкевича очень важно было бы окончательно установить, не в Одессе ли написано стихотворение «Чин» (одни датируют его 1825 г., другие — 1829). В этом стихотворении Мицкевич беспощадно осудил представителей реакционной шляхты, верно служивших злейшему врагу польского и русского народов — царскому самодержавию<sup>205</sup>.

При всей ограниченности результатов, к которым мы пришли, мы все же думаем, что материалы, приведенные в этой работе, представляют известный принципиальный интерес. Во время пребывания

в России Мицкевич вступил на новый творческий путь и впервые осознал необходимость революционного действия, идею борьбы за социальную правду: «Я люблю весь народ... Я хочу его сдвинуть, осчастливить...», — восклицал он устами Конрада. И именно в России проснулась в нем священная ненависть к варварскому деспотизму.



АДАМ МИЦКЕВИЧ

Портрет маслом неизвестного художника, 1840-е гг.  
Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

к порабощению миллионов людей немногими имеющими власть тиранами — все равно, касалось ли это поляков или русских<sup>206</sup>.

Нет сомнения, что первый этап пребывания Мицкевича в России и последние этапы (Петербург 1824 г., Москва — Петербург 1826—1829 гг.) сыграли наибольшую роль в его духовном развитии. В столицах России он вступил в общение с крупнейшими представителями русской общественной мысли и культуры, с декабристами — Рылеевым и Бестужевым, с писателями — Грибоедовым и Баратынским, Веневитиновым

и многими другими и, наконец, с Пушкиным, в беседах с которым, — по словам великого русского поэта, — Мицкевич

...говорил о временах грядущих,  
Когда народы, распри позабыв  
В великую семью соединятся.

Но можно ли, исследуя процесс духовного развития Мицкевича, вычеркивать одесские месяцы? Как ни мало мы знаем об идейной и общественной жизни Мицкевича в Одессе, но общий ход его развития ясно говорит, что и в одесский период оно продолжало идти в том же направлении: патриотическо-демократические и революционные взгляды польского поэта укреплялись и углублялись. И в этом процессе, так же как и на всех других этапах пребывания Мицкевича в России, громадную роль сыграло общение с представителями передовой русской общественности. Среди людей, окружавших Мицкевича в последние годы жизни, зародилась лживая легенда об отрицательном отношении Мицкевича к декабристам. Она была подхвачена польскими реакционерами, которые тщательно собирали все, что могло способствовать розни между братскими народами, польским и русским. Эта легенда находится в совершенном противоречии с высказываниями Мицкевича о русских дворянских революционерах, полными чувства глубокой симпатии и уважения. Еще более ярким свидетельством близости Мицкевича к декабристам являются строки его послания «Русским друзьям»:

О где вы? Светлый дух Рылеева погас,  
Царь петлю затянул вокруг шеи благородной,  
Что, братских полон чувств, я обнимал не раз.  
Проклятье палачам твоим, пророк народный!

Нет больше ни пера, ни сабли в той руке,  
Что, воин и поэт, мне протянул Бестужев  
С поляком за руку он скован в руднике,  
И в тачку их тиран запряг, обезоружив.

(Пер. В. Левина) <sup>207</sup>

Пристальное изучение событий одесской жизни Мицкевича говорит о возможности связей между Мицкевичем и участниками тайных обществ; оно доказывает также, что вне декабристского контекста не может быть вообще понята эта глава биографии поэта, которую до сих пор трактовали преимущественно в личном плане. Одесская глава жизни Мицкевича показывает, наконец, как многочисленны и многообразны нити, связывавшие великого польского поэта с лучшими людьми русского народа, который в лице своего героического сына — Рылеева видел в Мицкевиче друга — «по чувствам и образу мыслей».

П Р И Л О Ж Е Н И Я

⟨I⟩

⟨ПРОТОКОЛ ЗАСЕДАНИЯ ПРАВЛЕНИЯ ОДЕССКОГО ЛИЦЕЯ,  
ПОСВЯЩЕННОГО ПРИБЫТИЮ МИЦКЕВИЧА И ЕЖОВСКОГО⟩

1825 года февраля 19-го дня в правление Одесского Ришельевского лицея прибыли гг. члены по учебной части: полковник и кавалер В. Х. Христенков, первый инспектор надворный советник М. М. Калинеску, магистр профессор И. Ф. Гриневиц, кандидат профессор И. И. Дудрович, константинопольский банкир дворянин С. А. Костанда и исправляющий должность директора надворный советник Карл Иванович Дитерихс; в сие заседание прибыл законоучитель Ришельевского лицея протоиерей Исидор Гербановский по приглашению г. исправляющего должность директора.

С л у ш а л и:

А) Предложение его сиятельства г. управляющего Ришельевским лицеем генерал-лейтенанта графа Ивана Осиповича Витта от 14 февраля сего года № 47, при коем препровождая копию отношения к нему г. министра народного просвещения от 16 декабря прошлого года № 3638, касательно принятия в Ришельевский лицей для преподавания наук кандидатов Виленского университета Ежовского и Мицкевича, его сиятельство предлагает правлению сделать немедленно распоряжение о предоставлении им соответственно знаниям и способностям кафедр в лицее. Его сиятельство полагает, что Ежовский и Мицкевич с пользою могут преподавать уроки древних языков; впрочем, предлагает правлению войти в соображение, какие предметы можно именно им предоставить

## POEZYE

*Adama Mickiewicza.*

TOM PIERWSZY.

Wydanie nowe pomnożone.

Petersburg.

NAKŁADEM AUTORA.

DRUKIEM KAROLA KRAJA

1829.

## POEZYE

MICKIEWICZA.

*Baronowi von Deltwig  
na pamiątkę przyjaźni  
Adam Mickiewicz*

«СТИХОТВОРЕНИЯ АДАМА МИЦКЕВИЧА», ИЗДАНИЕ 1829 г. ПЕТЕРБУРГ. ЭКЗЕМПЛЯР  
С ДАРСТВЕННОЙ НАДПИСЬЮ АВТОРА А. А. ДЕЛЬВИГУ

Перевод: «Барону фон Дельвигу в память дружбы. Адам Мицкевич»

Собрание К. В. Пигарева, Москва

смотря по удобности. По назначении сим двум кандидатам занятий производить им жалование из оставшихся сумм от кафедр, незамещенных преподавателями, или из определенных сумм на жалование адъюнктам с тем, чтобы на первый раз назначить каждому из них годовые оклады от 600 до 750 рублей и о распоряжениях по сему предмету предлагает правлению донести ему без всякого замедления, для доведения о том до сведения г. министра народного просвещения.

Б) Отношение г. министра народного просвещения к управляющему Ришельевским лицеем графу Ивану Осиповичу, от 16-го декабря 1824 года за № 3638, последовавшее о том, что высочайше подтвержденным в 14 день августа 1824 года журналом комитета, высочайше учрежденного для рассмотрения дел, относящихся до беспорядков, случившихся в Виленском университете, между прочим постановлено: 1. Десять человек филематского общества, кои посвятили себя учительскому званию, а также из тех филаретов кои оказались деятельнейшими по предосудительным видам сего общества, не оставляя в польских губерниях, где они думали распространить безрассудный польский национализм посредством обучения, предоставить министру народного про-

свещения употребить по части училищной в отдаленных от Польши губерниях, впрямь до разрешения им возвратиться на свою родину. Во исполнение сего г. попечитель Виленского учебного округа, выслав сих студентов в Петербург, доставил ему имен-ной им список с отметкой против каждого имени, к какому занятию или в какую долж-ность по своим способностям и собственному желанию кто из них употреблен быть может. Рассмотрев сии объяснения, он, г. министр, нашел, что большая из них часть по несовершенному знанию русского языка не может преподавать наук на сем языке и, следовательно, не могут принести большой пользы русским училищам. Донеся о сем всеподданнейше государю императору, испрашивал он, г. министр, всемилостивейшего его дозволения из числа сих студентов, тех, кои пожелают быть учителями, принять на учительские вакансии вне польских губерний, а другим разрешить определение на службу его императорского величества, по собственному их желанию здесь в С.-Петер-бурге или в других отдаленных от Польши губерниях, предоставя всем им право вступить на службу классами, соответствующими той ученой степени, которую они получили в Виленском университете. На сие получил он, г. министр, высочайшее его императорского величества повеление: «Здесь в Петербурге никого не оставлять, а раз-местить по их желанию и способностям в другие, только не в польские, города, сделав нужные для них пособия». Во исполнение сей высочайшей воли приказал он, г. министр, отобрать от сих студентов сведения: в какой род службы и куда именно кто из них поступить желает. Вследствие сего кандидаты философии Осип Ежовский и Адам Миц-кевич объявили, что желают служить при Ришельевском лицее. В доставленной же от г. попечителя Виленского учебного округа отметке сказано: против имени Ежовского, что мог бы преподавать греческую и римскую словесность, а также педагогику и фило-софию на латинском языке; против имени Мицкевича, что он мог бы преподавать сло-весность древних языков и эстетику на немецком, французском, латинском и русском языках. По сему он, г. министр, приказал Ежовскому и Мицкевичу отправиться к г. управляющему лицеем просить его предписать начальству Ришельевского лицея принять их в сие учебное заведение для преподавания тех наук, коим они обучались в Виленском университете, назнача им приличное жалование. Буде же по каким при-чинам не найдется удобства определить их в лицей, в таком случае предоставить им прискаты для себя другие места, сообщив тогда начальникам, где они служить поже-лают, помянутое состоявшееся об них высочайшее повеление об определении их в служ-бу, не в польских, по в отдаленных от Польши губерниях, с классами, ученым степе-ням им присвоенными. По получении на сие извещения, он, г. министр, делает распо-ряжение и о доставлении куда следовать будет из Виленского университета свиде-тельств на полученную ими степень кандидата. При сем его высокопревосходительство, г. министр народного просвещения, уведомляет, что, по бедному состоянию Ежовского и Мицкевича, выдано им, сверх прогонных денег до Елисаветграда, на путевые издерж-ки по триста рублей каждому.

В) Предписание его сиятельства г. управляющего лицеем графа Ивана Осиповича Витта от 14 февраля сего года № 48, последовавшее на имя г. исправляющего долж-ность директора лицея надворного советника Дитерихса о том, дабы с приездом в Одес-су, для преподавания в сем заведении учебных предметов, двух кандидатов Виленского университета, Ежовского и Мицкевича, и по прибытии в лицей была им отведена квар-тира в заведении и дабы они пользовались столом наравне с прочими преподавателями.

О п р е д е л и л и: Так как в лицее для помещения кандидатов Ежовского и Мицкевича никаких вакантных мест не имеется, на коих они могли бы быть определены, потому что по части латинской и греческой словесности, кроме чиновников, утвержден-ных г. министром, класс латинской грамматики с пользою занимается исправляющим должность профессора коммерческих наук Симановичем; класс греческий грамматики занят с ведома его сиятельства по распоряжениям правления титулярным советником Аргиропуло, который также преподает с пользою, а класс риторики и словесности греческой, по предложению его сиятельства, г-ном Пицинио, который также с успехом продолжает преподавание сих предметов,— т. е. представить упомянутым кандидатам Виленского университета отыскать для себя другие места и по прискании о них уве-домить правление.

Во уважение же недостаточного их состояния снабдить их квартирою и столом до прискания ими мест, о чем донести его сиятельству г. управляющему лицеем. Впрочем, предоставить на благоусмотрение его сиятельства, что, если сии места не были заняты, то Ежовский мог бы заняться преподаванием риторики и словесности греческой, а Мицкевич греческой и латинской грамматики.

Управляющий <подпись>

Фонд Ришельевского лицея, д. 95, Журнал правления лицея по учебной части, лл. 35—38.

⟨II⟩

⟨ПРОТОКОЛ ЗАСЕДАНИЯ ПРАВЛЕНИЯ ОДЕССКОГО ЛИЦЕЯ,  
ПОСВЯЩЕННОГО ВЫДАЧЕ МИЦКЕВИЧУ И ЕЖОВСКОМУ ПРОГОННЫХ ДЕНЕГ⟩

20 октября 1825 г.

Предложение его сиятельства г-на управляющего Ришельевским лицеем от 15 октября сего года № 448, коим изъяснив, что по донесению г-на исправляющего должность директора, надворного советника Дудровича, от 29-го июня сего года о желаниии кандидата Мицкевича служить в канцелярии г-на московского военного генерал-губернатора, его сиятельство входил с представлением к г-ну министру народного просвещения, который по учиненному сношению с князем Дмитрием Владимировичем Голицыным уведомил его сиятельство от 26 минувшего сентября, что Мицкевич может быть определен в его канцелярию. Вследствие того его высокопревосходительство предписал распорядиться об отправлении Мицкевича в Москву, снабдить его казенною подорожною, прогонными на две лошади, деньгами и пособием таким, какое получил кандидат Ежовский, т. е. 300 рублей, с тем, что деньги сии всего 465 руб. 61 коп. в свое время будут возвращены в правление лицея. Сообразно таковому предписанию г-на министра народного просвещения его сиятельство предлагает г-ну исправляющему должность директора, надворному советнику Дудровичу, объявить кандидату Мицкевичу и доложить о сем правлению Ришельевского лицея для должного со стороны оногo распоряжения и исполнения.

О п р е д е л и л и: Согласно с предложением его сиятельства отнестись к его превосходительству г-ну одесскому градоначальнику о выдаче кандидату Виленского университета Мицкевичу подорожной на две лошади для проезда из Одессы в Москву причитающиеся же Мицкевичу прогонные на две лошади деньги 165 руб. 61 коп. да на путевые издержки 300 рублей, всего 465 р. 61 коп. выдать по получении из таможни как сказано во 2-ой статье определения сего журнала такой же суммы 465 р. 61 коп., выданной на тот же предмет кандидату Виленского университета Ежовскому и следуемой в возврате лицеем, записав оную по надлежащему приходом из таможни, а потом расходом в выдачу Мицкевичу, по той же кассе, из которой сии деньги вынуты заимобразно для отправления Ежовского. По возвращении лицеем сих 465 руб. 61 коп., к выдаче Мицкевичу следуемых, просить его сиятельство г-на Управляющего лицеем снестись по своему благоусмотрению.

Фонд Ришельевского лицея, д. 95, Журнал правления лицея по экономической части, лл. 262—263.

П Р И М Е Ч А Н И Я

<sup>1</sup> В. И. Ленин. Соч., т. 23, стр. 234.

<sup>2</sup> L. Mickiewicz. Adam Mickiewicz, sa vie et son oeuvre. Paris, 1888, стр. 66—71; его же. Żywot Adama Mickiewicza, t. I. Poznań, 1890, стр. 209—232; P. Chmielowski. Ad. Mickiewicz, t. I. Warszawa, 1886, стр. 324—336; А. Л. Погодин. Адам Мицкевич. Его жизнь и творчество, т. I. М., 1912, стр. 324—363; S. Szprotanski. Ad. Mickiewicz i jego epoka, t. I. Warszawa, 1921, стр. 151—152; J. Kallenbach. Adam Mickiewicz, t. I. Lwów, 1926, стр. 330—345.

<sup>3</sup> J. Kleiner. Mickiewicz, t. I. Lwów, 1934, стр. 432—435 (последнее изд.: Lublin, 1948); J. Tretiak. Mickiewicz w Odessie. — В кн.: «Szkice literackie». Serya I. Kraków, 1896, стр. 86—114.

<sup>4</sup> Pamiętniki Fr. Kowalskiego. Глава «Odessa. Ad. Mickiewicz i Puszkina». — «Biblioteka Warszawska», 1857, t. IV, стр. 347—381 (отрывок из этой главы появился в 1857 г. в «Русском инвалиде», № 277).

Книга воспоминаний Фр. Ковальского («Wspomnienia 1810—1823. Pamiętniki», первое изд.: Киев, 1859) не дает материалов по интересующему нас вопросу.

<sup>5</sup> Ковальский рисует даже «портрет» Пушкина, который представляет материал для истории «мифа о Пушкине»: «Несколько тучный, крепкого сложения, видимо геркулесовой силы, ибо возле него стояла железная палка, которой он размахивал, как перышком. Он был одет просто, в зеленый сюртук, застегнутый доверху так, что нельзя было заметить галстука на его короткой шее. Его приятное бритое лицо было округленным и румяным, глаза голубые, лоб выпуклый, волосы на голове короткие, темный блондин, руки широкие, сильные, пальцы длинные с никогда нестриженными, но чистыми ногтями...» (Указ. соч., стр. 352).

<sup>6</sup> К. П. З е л е н ц к и й. Заметка о Пушкине и Мицкевиче. — «Одесский вестник» от 13 февраля 1858; то же — «Русский инвалид», 1858, № 44; на польском языке — «Biblioteka Warszawska», 1858, t. III, стр. 166—169; перепечатано в книге «Ришельевский лицей и имп. Новороссийский университет. Сборник, изданный бывшими воспитанниками лицея и университета», ч. I. Одесса, 1898, стр. 85—88.

<sup>7</sup> «Biblioteka Warszawska», 1858, t. IV, стр. 259.

<sup>8</sup> Kar. K a s z k o w s k i. Wspomnienia z papierów pozostałych..., t. II. Lwów, 1876, стр. 115—117.

<sup>9</sup> Marya z Mickiewiczów Gorecka. Ze wspomnień o moim ojcie. — «Pamiętnik Towarzystwa literackiego im. Ad. Mickiewicza», t. II. Lwów, 1888, стр. 238—240.

<sup>10</sup> Работа эта вышла отдельным изданием под названием: Aër «Mickiewicz w Odessie i jego twórczość z tego czasu». Warszawa, 1898.

<sup>11</sup> И. Р. <К у ч и н с к и й>. Мицкевич в Одессе. — «Исторический вестник», 1898, № 3, стр. 1046—1053. Работа Ржонжевского-Аэра изложена в еще более сокращенном виде в статье М. Попруженко «Мицкевич в Одессе». — «Одесский листок» от 25 декабря 1905 г. Абсолютно ничего не дает исследователю статья Ф. Неслуховского «Мицкевич в России» («Исторический вестник», 1880, №№ 4 и 5). С одесским периодом автор разделался одной фразой: «Мы не имеем никаких положительных известий об образе жизни и положении Мицкевича, равно как и лица его окружающих» (№ 5, стр. 24). В заметке П. Б. <Баргенева> «Адам Мицкевич. (Записано со слов покойного М. А. Максимовича)» («Русский архив», 1898, № 7, стр. 480) Одессе посвящена тоже только одна строка и та совершенно ошибочная: Мицкевич «получил место в Одессе чиновником у графа Воронцова, супруга которого по отцу была полька».

<sup>12</sup> См. комментарий Т. Г. Зенгер к письму Пушкина к Собаньской. — В кн.: «Рукою Пушкина». М.—Л., 1935, стр. 198—208.

<sup>13</sup> А ё г. Указ. соч., стр. 6.

<sup>14</sup> L. M i c k i e w i c z. Ad. Mickiewicz, sa vie..., стр. 19.

<sup>15</sup> Dzieła wszystkie Ad. Mickiewicza, t. XIII. Warszawa, 1936, стр. 250—258; ср. А. М и ц к е в и ч. Собр. соч., т. V. М., 1954, стр. 353—356, 614.

<sup>16</sup> Ф. В е р ж б о в с к и й. К биографии Адама Мицкевича в 1821—1829 гг. СПб., 1898 (отд. оттиск из т. 66 «Сборника Отделения русского языка и словесности Академии наук»).

<sup>17</sup> А. А. Р я б и н и н - С к л я р е в с к и й. Адам Мицкевич в ссылке в Одессе в 1825 г. — «Былое», 1925, № 4, стр. 154—162. — Эта же статья почти без всяких изменений была опубликована на украинском языке как раздел VI работы «Таємні товариства на півдні в епоху декабристів». — «Рух декабристів на Україні». Харьков, 1926, стр. 147—155.

<sup>18</sup> См. в особенности: М. С. Ж и в о в. Адам Мицкевич. Вехи жизни и творчества. — Собр. соч. Мицкевича, т. I. М., 1948, стр. 31—33; М. Р ы л ь с к и й. Великий польский поэт-революционер. — «Коммунист», 1955, № 16; ср. также: С. Я. Б о р о в о й. Мицкевич и декабристы — газ. «Большевистское знамя» (Одесса) от 24 декабря 1948 г.; И. З а й ц е в а. Мицкевич и декабристы. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологич. наук. Моск. обл. пед. институт. М., 1952. В статьях М. А. Цявловского («Мицкевич и его русские друзья». — «Новый мир», 1940, № 11—12), Д. Д. Благого («Мицкевич в России». — «Красная новь», 1940, № 11—12) одесскому периоду посвящено только несколько строк. Немного подробнее об этом говорит А. Ч а к о в с к и й («Адам Мицкевич». — «Октябрь», 1940, № 12). Г. Вервес в своей работе «Мицкевич на Украине», включенной в его книгу «Адам Мицкевич в українській літературі». Киев, 1952 (стр. 26—44), исходит из правильной концепции, что «знакомство и дружба с декабристами имели совершенно исключительное значение для Мицкевича» (стр. 13), но автор не поставил перед собой задачу дать конкретно-исторический анализ общественных связей Мицкевича во время его пребывания на Украине и посвятил «одесской главе» немногим более двух страниц (стр. 26—28).

<sup>19</sup> St. Z ó ł k i e w s k i. Spór o Mickiewicza. Wrocław, 1952, стр. 81, 83.

<sup>20</sup> См. работы: Л. П о д г о р с к и й - О к о л о в (L. Podhorski-Okólów). Ludzi-lem despota. — «Odrodzenie», 1949, № 8; Л. Г о м о л и ц к и й. Dziennik pobytu Ad. Mickiewicza w Rosji. Warszawa, 1949; е г о ж е. Mickiewicz wśród rosjan. Warszawa, 1950; С. Ф и ш м а н. Mickiewicz w Rosji. Warszawa, 1949; Г. Ш и п е р. Ad. Mic-

kiewicz. Poeta i człowiek czynu. Warszawa, 1950; М. Я с т р у в. Mickiewicz. Warszawa, 1955, стр. 134—146 и др.

<sup>21</sup> М. С. Ж и в о в. Указ. соч., стр. 27.

<sup>22</sup> См. об этом Д. Б. К а ц н е л ь с о н. К вопросу об отношении Адама Мицкевича к народному творчеству (1820—1829). — «Ученые записки Института славяноведения», т. VIII. М.—Л., 1954, стр. 187—197.

<sup>23</sup> С. С. С о в е т о в. Творческий путь Адама Мицкевича. — «Ученые записки Института славяноведения», т. II. М.—Л., 1950, стр. 119—122.

В постановке вопроса о роли филоматов и филаретов в формировании мировоззрения Мицкевича я имел возможность использовать ценные замечания С. С. Советова, которому выражаю глубокую благодарность.

<sup>24</sup> Ф. В е р ж б о в с к и й. К биографии А. Мицкевича..., стр. 26; ср. также: Одесский гос. областной архив. Фонд Ришельевского лицея (в дальнейшем обозначается: ФРЛ), д. 21 «О кандидатах Виленского университета Ежовском и Мицкевиче», л. 5.

<sup>25</sup> В письме к Войцезевичу от 13 февраля 1823 г. Бестужев писал: «По-польски я еще разумею порядочно и перевожу не редко, но писать уже не осмеливаюсь» («Летописи», стр. 69). Знакомство Рыльева с польским языком началось еще в годы обучения в кадетском корпусе; усердствовал он в знании языка, живя в 1815 г. в Несвиже. Рылеев настолько хорошо владел польским языком, что даже писал по-польски (см. его письмо к автору «Исторических песен» Юл. Немцевичу. — Ры л е в. Соч., стр. 466). Подробнее о знакомстве Рыльева с польским языком см.: В. И. М а с л о в. Литературная деятельность Рыльева. Киев, 1912, стр. 174—179. Из недавно опубликованного рассказа рассыльного «Полярной звезды» мы узнаем, что Рылеев владел и разговорной польской речью («Лит. наследство», т. 59, 1954, стр. 255).

<sup>26</sup> См. С. Ф и ш м а н в предисловии к воспоминаниям И. Лобойко о процессе филаретов, опубликованным в переводе на польский яз. в журн. «Kwartalnik Instytutu Polsko-Radzięckiego», 1953, № 2-3, стр. 112. — О Лобойко см. также во вступительной заметке В. В. Д а н и л о в а к публикации «Воспоминания о Рылееве И. Н. Лобойко». — «Декабристы и их время», 1951, стр. 23—24.

<sup>27</sup> Н е ч к и н а. Грибоедов, стр. 596. — О встречах Мицкевича с Грибоедовым в 1828 г. см. в письме П. А. Вяземского к В. Ф. Вяземской от 12—17 мая 1828 г. («Лит. наследство», т. 58, 1952, стр. 79).

<sup>28</sup> Ф. В е р ж б о в с к и й. К истории тайных обществ и кружков среди литовско-польской молодежи в 1819—1823 гг. Варшава, 1898, стр. 90—91 (отд. оттиск из «Варшавских университетских известий», 1898).

<sup>29</sup> «Памяти декабристов», I, стр. 70.

<sup>30</sup> Ф. В е р ж б о в с к и й. К биографии А. Мицкевича..., стр. 27.

<sup>31</sup> Там же, стр. 25—26.

<sup>32</sup> А. Л. П о г о д и н. Указ. соч., т. I, стр. 323.

<sup>33</sup> Ц и п р и н у с. Калейдоскоп воспоминаний. — «Русский архив», 1872, стб. 1900. — По словам мемуариста (его подлинная фамилия — Пшеславский), именно он, приятель Мицкевича по Вильнюсу, как родственник жены Шишкова, ввел Мицкевича в дом министра. Однако этот рассказ, часто повторяемый биографами поэта (ср., например, P. S h m i e l o w s k i. Указ. соч., т. I, стр. 319), не заслуживает доверия. Еще Владислав Мицкевич указал, что Шишков женился только в 1826 г. («Żywot Adama Mickiewicza», t. I, стр. 198).

<sup>34</sup> «Ustęp z pamiętników Mik. Malinowskiego» напеч. в «Korespondencyi Ad. Mickiewicza», t. IV, стр. 9.

<sup>35</sup> L. M i c k i e w i c z. Żywot Adama Mickiewicza, t. I, стр. 199. — Один из друзей Мицкевича по Вильнюсу — Лозинский — писал 18 марта 1825 г. из Петербурга, что «царь рассердился на министра» за то, что тот разрешил Ежовскому и Мицкевичу поехать в Одессу (см. неизд. письмо к Петрашкевичу, члену филематского общества, цит. в кн.: J. K l e i n e r. Указ. соч., стр. 433).

<sup>36</sup> J. K l e i n e r. Указ. соч., стр. 414.

<sup>37</sup> И. И. М и х н е в и ч. Исторический обзор сорокалетия Ришельевского лицея с 1817 по 1857 г. Одесса, 1857, стр. 29. — О Витте говорили, что он как попечитель лицея оказывал покровительство полякам. Н. Н. Мурзакевич вспоминал: при Витте «штат казеннокоштных воспитанников <лицея> наполнился детьми шляхты, бывшей управителями имений, ему родственных польских панов» («Автобиография». СПб., 1886, стр. 70).

<sup>38</sup> Биографический словарь профессоров и преподавателей Московского университета, ч. I. М., 1856, стр. 325.

<sup>39</sup> J. T r e t i a k. Młodość Mickiewicza, t. II, 1898, стр. 284.

<sup>40</sup> Ц и п р и н у с. Указ. соч., стб. 1928.

<sup>41</sup> Ф. В е р ж б о в с к и й. К биографии А. Мицкевича..., стр. 30; ФРЛ, д. 21, л. 40.

<sup>42</sup> А ё г. Указ. соч., стр. 3—4.

<sup>43</sup> P. S h m i e l o w s k i. Указ. соч., т. I, стр. 323. — О роли киевской «контрактной» ярмарки в общественной жизни польской шляхты на Украине см. H. U ł a s z y n. Kontrakty Kijowskie. Szkic historyczno obyczajowy. P., 1900, стр. 36 и сл.

<sup>44</sup> И. И. Беккер. Декабристы и польский вопрос. — «Вопросы истории», 1948, № 3, стр. 69; см. также: «Pamiętniki Olizaga». Lwów, 1892, стр. 162; показания Пестеля — ВД, т. IV, стр. 80, 106—108; Л. А. Медведская. Южное общество декабристов и польское патриотическое общество. — В сб. «Очерки из истории движения декабристов». М., 1954, стр. 299—301.

<sup>45</sup> П. Хмелевский (указ. соч., т. I, стр. 323) высказал предположение, что Мицкевич встретился в Киеве с Бестужевым и Рылевым, но это неверно.

<sup>46</sup> Ф. Вержбовский. К биографии А. Мицкевича..., стр. 27—28; ФРЛ, д. 21, л. 5.

<sup>47</sup> Н. Н. Мурзакевич. Указ. соч., стр. 70.

<sup>48</sup> L. Mickiewicz. Adam Mickiewicz, sa vie..., стр. 77.

<sup>49</sup> Наиболее полная биографическая сводка материалов о Витте сделана Н. П. Чулковым в «Сборнике биографий кавалергардов 1761—1801», т. II. СПб., 1904, стр. 448—458. — Ядовитая, но очень содержательная характеристика Витта дана Ф. Ф. Вигелем («Записки», ч. VI. М., 1892, стр. 136—137).

<sup>50</sup> Ad. Mickiewicz. Literatura słowianska, t. II, стр. 286 («Dzieła», wyd. Pini. Lwów, s. a., t. VI).

<sup>51</sup> А ё г. Указ. соч., стр. 5.

<sup>52</sup> Н. К. Шильдер. Император Николай I, т. I. СПб., 1903, стр. 526.

<sup>53</sup> Ф. Вержбовский. К биографии А. Мицкевича..., стр. 1—32; ФРЛ, д. 21, л. 4.

<sup>54</sup> Там же, стр. 31; ФРЛ, д. 21, л. 6.

<sup>55</sup> Ср. ФРЛ, д. 91 (1824) «О выдаче жалованья».

<sup>56</sup> L. Mickiewicz. Żywot Adama Mickiewicza, т. I, стр. 207.

<sup>57</sup> Ф. Вержбовский. К биографии А. Мицкевича..., стр. 33—34; ФРЛ, д. 95 (1825) «Журнал по учебной части», лл. 35—38.

<sup>58</sup> J. Kleiner. Указ. соч., стр. 433.

<sup>59</sup> ЦГВИА, ф. № 36, оп. 3/847, св. 10, д. 8, л. 3. — Цит. по статье Б. Ф. Стахеева «Среди русских друзей». — «Иностранная литература», 1955, № 4, стр. 186.

<sup>60</sup> И. И. Михневич. Исторический очерк, стр. 24—26, 30, 39—40.

Вопреки утвердившейся в дореволюционной литературе апологетической оценке Благородного института, обучавшийся в нем декабрист Поджио вспоминал: «Я воспитывался в Одесском институте, существовавшем еще при покойном дюке де Ришелье. Сие училище относительно к наукам и к получаемому в нем образованию ума и нравственности, было самое ничтожное» (ВД, т. XI, стр. 36).

<sup>61</sup> Н. Н. Мурзакевич. Указ. соч., стр. 70. — Об упадке лица в те годы см. также П. Свиньин. Взгляд на Одессу. — «Отч. записки», 1830, январь, стр. 30 и сл.

<sup>62</sup> Там же, стр. 78; И. И. Михневич. Указ. соч., стр. 30.

<sup>63</sup> ФРЛ, д. 19 (1825) «О выборе директора».

<sup>64</sup> Ad. Mickiewicz. Korespondencja, т. II, стр. 9.

<sup>65</sup> Атлас планов неосуществленного здания опубликован в качестве приложения к кн.: «Etablissement du lycée Richelieu». Paris, 1817.

<sup>66</sup> И. И. Михневич. Указ. соч., стр. 11.

<sup>67</sup> «Ришельевский лицей и имп. Новороссийский университет...», ч. I, вторая пагинация, стр. 86.

<sup>68</sup> А ё г. Указ. соч., стр. 5.

<sup>69</sup> «Biblioteka Warszawska», 1857, т. IV, стр. 369.

<sup>70</sup> Одесский гос. областной архив, фонд Линниченко, д. 295, лл. 143—144.

<sup>71</sup> ФРЛ, д. 13 (1826) «О назначении директора»; ср. также д. 39 (1825), д. 79 (1825).

<sup>72</sup> Характеристика преподавателей лицея тех лет дана А. Сумароковым в «Воспоминаниях об Одесском Ришельевском лицее с 1822 по 1828 гг.» — «Одесский вестник», 1885, № 259 и сл. Почти полностью перепечатано в кн.: «Ришельевский лицей и имп. Новороссийский университет», ч. I.

<sup>73</sup> Н. Н. Мурзакевич. Указ. соч., стр. 77.

<sup>74</sup> Антонио Пиллер род. в Палермо в 1776 г.; в 1813 г. опубликовал в Москве (на французском языке) учебник итальянского языка, в 1817 г. — итальянскую хрестоматию «Miscellanea». Эти книги в течение долгого времени были в России основными пособиями для изучения итальянского языка. В делах лицея сохранился собственноручно составленный Пиллером список его печатных произведений.

<sup>75</sup> ФРЛ, д. 19 (1824) «Об экзаменах в Одесском Ришельевском лицее 1824 года и о торжественном акте по случаю окончания 2-го учебного курса», л. 14.

<sup>76</sup> Там же, д. 23 (1826) «О получаемых книгах».

<sup>77</sup> Там же, д. 19 (1824).

<sup>78</sup> «Ришельевский лицей», стр. 61—62. — Отрицательную характеристику Гриневица дает также М. Чалый в воспоминаниях («Киевская старина», 1889, № 10, стр. 123). См. о нем: ФРЛ, д. 83 (1824) «О чиновниках»; д. 79 (1825) «О формулярах».

<sup>79</sup> См. письмо В. К. Кюхельбекера от 15 января 1824 г. — «Летописи», стр. 165.

<sup>80</sup> А. В. Флоровский. Состав масонской ложи «Понт Эвксинский» в Одессе. — «Известия Одесского библиографического общества», т. I, 1913, стр. 351—356; ср. «Рух декабристів на Україні». Харьков, 1926, стр. 127—129. См. также заметку «Масони Ришельевського ліцею» («Вісник Одеської комісії краєзнавства», ч. 2-3, 1925, стр. 134—140). Хотя эта заметка и основана на архивных материалах, но содержит нелепые утверждения. Так, например, Витт изображен в ней как «передовой человек...», сочувствовавший декабристам.

<sup>81</sup> Семейский, стр. 318.

<sup>82</sup> М. В. Нечкина. Общество Соединенных Славян. М.—Л., 1927, стр. 191.

<sup>83</sup> «Вісник Одеської комісії краєзнавства», ч. 2-3, стр. 135, 139. — Не делая никаких ссылок на источники, автор этой заметки утверждает, что принадлежность Ежовского к масонам засвидетельствована подпиской, данной им в Москве в 1826 г.

<sup>84</sup> Рукописные номера «Ареопага» до сих пор не подвергались достаточно углубленному изучению. Наиболее подробные сведения об этом журнале см.: В. С. Алексеева-Попова. Пушкин и литературная жизнь Одессы. — Сб. «Пушкин в Одессе». Одесса, 1949, стр. 126—133; ср. также статью А. И. Кирпичникова в кн.: «Одесса 1794—1894». Одесса, 1895, стр. 589—592 (перепечатана в его книге «Очерки по истории новой русской литературы», изд. 2, т. I. СПб., 1903, стр. 462—464); А. М. Держибибас. «Ареопаг» о Пушкине. — Сб. «Пушкин. Статьи и материалы», I. Одесса, 1925, стр. 63—65.

<sup>85</sup> А. Сумароков. К чествованию памяти Пушкина. — В кн.: «Отзывы о Пушкине с юга России...» собрал В. Яковлев. Одесса, 1887, стр. 154—156.

<sup>86</sup> «Отзывы о Пушкине с юга России...», стр. 10.

Н. Г. Тройницкий (впоследствии редактор «Одесского вестника»), окончивший лицей в 1832 г., вспоминал, что лицеист А. Яворский, который выполнил несколько рисунков для «Ареопага», снял и портрет в профиль с молодого тогда Мицкевича, водворенного на жительство в лицее, во время его ссылки («Ришельевский лицей и Новороссийский университет», стр. 84, прим.). К сожалению, портрет этот не сохранился, однако самый факт его существования знаменателен.

<sup>87</sup> «Русская старина», 1904; № 2, стр. 358; см. также: А. Флоровский. Собрание высочайших грамот и указов в архиве упраздненного Новороссийского и Бессарабского генерал-губернаторского управления. Одесса, 1912.

<sup>88</sup> Н. К. Шильдер. Николай I, т. I. СПб., 1903, стр. 247.

<sup>89</sup> «Сборник Русского исторического общества», т. 131. СПб., 1910, стр. 19.

<sup>90</sup> Опубликовано Ю. Г. Оксманом в статье «А. В. Кольцов и тайное „Общество независимых“». — «Ученые записки Саратовского гос. университета», т. XX, 1948, стр. 67—68.

<sup>91</sup> ЦГИАЛ, ф. № 586, оп. 2, д. 1336, лл. 105—107.

<sup>92</sup> Подробнее см.: Ю. Г. Оксман. Одесские вольнодумцы пушкинской поры. — «Былое», 1923, № 21, стр. 49—56; его же. Отзывки декабрьских событий 1925 г. в Новороссии. — Сб. «Декабристы. Незданные материалы и статьи». М., 1925, стр. 75—80; его же. А. В. Кольцов и тайное «Общество независимых», стр. 57—70.

<sup>93</sup> «Исповедь Шервуда-Верного». — «Исторический вестник», 1895, № 1, стр. 70.

<sup>94</sup> В. С. Шадури. Друг А. Пушкина А. Шишков. Тбилиси, 1951, стр. 107—115.

<sup>95</sup> «Исповедь Шервуда-Верного», стр. 81.

<sup>96</sup> Волконский, стр. 409.

<sup>97</sup> В. В. Стратен. Одесский список оды «Вольность». — «Пушкин. Статьи и материалы», II. Одесса, 1926, стр. 1—4. Подробнее см. в статье В. С. Алексеева-Попова «Пушкин и литературная жизнь Одессы». — Сб.: «Пушкин в Одессе». Одесса, 1949, стр. 104—106.

<sup>98</sup> «Красный архив», 1930, № 1, стр. 174 и сл. — В данной публикации это письмо было ошибочно датировано 24 марта. Обоснование новой, исправленной, датировки см.: «Лит. наследство», т. 58, 1952, стр. 42.

<sup>99</sup> Dzieła wszystkie Ad. Mickiewicza, t. XIII. Warszawa, 1936, стр. 250.

<sup>100</sup> Это письмо опубликовано впервые Н. Ш. Угуровым. — «Киевская старина», 1899, № 3, стр. 297—302. Оно хранилось в собрании рукописей П. Дорошенко (В. И. Маслов. Литературная деятельность Рылеева. Киев, 1912, стр. 49).

<sup>101</sup> См. о нем: С. Н. Браиловский. В. И. Туманский. — В кн.: В. И. Туманский. Стихотворения и письма. СПб., 1912, стр. 7—41. Новый чрезвычайно ценный материал для характеристики общественно-политических воззрений Туманского см.: Базанов, стр. 277—280.

<sup>102</sup> Базанов, стр. 257, 407.

<sup>103</sup> ВД, т. I, стр. 513.

<sup>104</sup> Письмо В. И. Туманского к Кюхельбекеру. — В. И. Туманский. Стихотворения и письма. СПб., 1912, стр. 252—253; см. также: Н. И. Греч. Записки о моей жизни. М.—Л., 1930, стр. 462—463.

<sup>105</sup> Об этом Туманский писал С. Г. Туманской («Стихотворения и письма», стр. 266); ср. также: «Пушкин. Статьи и материалы», III. Одесса, 1926, стр. 76.

<sup>106</sup> См. письмо В. И. Туманского к Булгарину («Стихотворения и письма», стр. 274).

<sup>107</sup> Кроме писем, опубликованных Браиловским, см. также: письмо Туманского к Бестужеву от 18 сентября 1823 г. — «Русская старина», 1888, № 11, стр. 319—320; письмо Рыльева к Туманскому. — Рылев в. Соч., стр. 472—474; а также упоминание о Туманском в дневнике Бестужева (от 29 января 1824 г.) — «Памяти декабристов», I, стр. 62.

<sup>108</sup> Б а з а н о в, стр. 279.

<sup>109</sup> В. И. Т у м а н с к и й. Стихотворения и письма, стр. 250.

<sup>110</sup> Б а з а н о в, стр. 277.

<sup>111</sup> В. И. Т у м а н с к и й. Стихотворения и письма, стр. 292—293.

<sup>112</sup> «Киевская старина», 1899, № 3, стр. 299—300.

<sup>113</sup> О Сабурове, чиновнике канцелярии Воронцова, и о его переписке с Пушкиным см.: «Лит. наследство», т. 58, 1952, стр. 38.

<sup>114</sup> обстоятельные биографические справки о них можно найти в «Материалах для биографического словаря одесских знакомых Пушкина» («Пушкин. Статьи и материалы», III. Одесса, 1926).

<sup>115</sup> Интересно напомнить, что после отъезда из Одессы Малевский встречался с Пушкиным (в 1827 г.). См. публикацию Т. Г. Цявловской «Пушкин в дневнике Франтишка Малевского». — «Лит. наследство», т. 58, 1952, стр. 263—268.

<sup>116</sup> М. А. Ц я в л о в с к и й. Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина, т. I. М., 1951, стр. 266. — Познакомившись с нашей статьей в рукописи, М. В. Нечкина высказала интересное предположение — не является ли этот ошибочный рассказ о ссылке Пушкина на границу Персии результатом контаминации: рассказчик невольно соединил в памяти ссылку Пушкина и отъезд Грибоедова в Персию?

<sup>117</sup> «Литературный архив», т. I. М.—Л., 1938, стр. 143—146. Принадлежность стихотворения Олизару обоснована в заметке В. Чернобаева (там же, стр. 146—148).

<sup>118</sup> А. В. Н и к и т е н к о. Записки и дневник, т. II. СПб., 1905, стр. 240.

<sup>119</sup> Цитирую по русскому переводу в Собр. соч. Мицкевича, т. IV. М., 1954, стр. 383.

<sup>120</sup> F. K o w a l s k i. List do redakcyi. — «Biblioteka Warszawska», т. IV, 1858, стр. 255.

<sup>121</sup> Ср. М. Д. Б у т у р л и н. Записки. — «Русский архив», 1897, № 8, стр. 571; А ё г. Указ. соч., стр. 29, 31.

<sup>122</sup> Подробные биографические справки об одесском «свете» см. также в «Материалах для биографического словаря одесских знакомых Пушкина» («Пушкин. Статьи и материалы», III. Одесса, 1926).

<sup>123</sup> J. T r e t i a k. Указ. соч., стр. 95.

<sup>124</sup> O l i z a r. Pamiętniki. Lwów, 1892. — Мемуары Олизара малосодержательны и для решения интересующего нас вопроса не дают почти ничего. Об Олизаре см. также в «Материалах для биографического словаря одесских знакомых Пушкина», стр. 70—71; Л. А. М е д в е д с к а я. Указ. соч., стр. 296—297.

<sup>125</sup> R. L e e. The last days of the emperor Alexandre. S. a., s. I. («Последние дни императора Александра I»). — Редчайшая брошюра, вышедшая без обозначения места и года издания на правах рукописи. Пользуюсь экземпляром, принадлежавшим Николаю I (хранится в отделе «Россика» ГПБ).

<sup>126</sup> Ф. Ф. В и г е л ь. Указ. соч., ч. VI, стр. 186.

<sup>127</sup> С. С. С о в е т о в. Указ. соч., стр. 122.

<sup>128</sup> М. Д. Б у т у р л и н. Записки. — «Русский архив», 1897, № 5, стр. 24.

<sup>129</sup> А ё г. Указ. соч., стр. 11.

<sup>130</sup> Г р и б о е д о в. Полн. собр. соч., т. III. Пг., 1917, стр. 176, 332. — О поездке Грибоедова в Киев летом 1825 г. и о политических целях этой поездки см.: Н е ч к и н а. Грибоедов, стр. 450—481.

<sup>131</sup> M. D u b i e s k i. Na kresach i za kresami. Киев, 1914, стр. 308.

Впрочем, к сообщениям Дубецкого следует относиться критически. Так, он причислял историка А. Скальковского, с которым беседовал в Одессе, к лицам, лично встречавшимся с Мицкевичем в Одессе. Между тем нам известно, со слов самого Скальковского, что он приехал в Одессу только в 1828 г. (см. «Отзывы о Пушкине с юга России». Одесса, 1887, стр. 150).

<sup>132</sup> П. Н. Б е р к о в. «Аккерманские степи» Мицкевича. — «Доклады и сообщения Филологического института ЛГУ», вып. 3, 1951, стр. 270. — Об Аккермане как об одном из очагов революционного движения двадцатых годов XIX в. см.: П. Н. Б е р к о в. Заметка к биографии А. Пушкина. — «Вестник Ленинградского гос. университета», 1949, № 6, стр. 140—144.

<sup>133</sup> M. D u b i e s k i. Указ. соч., стр. 315.

<sup>134</sup> «Алфавит декабристов», стр. 128, 215.

<sup>135</sup> ВД, т. X, стр. 127.

<sup>136</sup> Ср. подробнее в воспоминаниях Фр. Ковальского. — «Biblioteka Warszawska», 1857, т. IV, стр. 362—363.

<sup>137</sup> А ё г. Указ. соч., стр. 15.

<sup>138</sup> М. С. Ж и в о в. Адам Мицкевич. Вехи жизни и творчества. — В Собр. соч. Мицкевича, т. I. М., 1948, стр. 32.

- <sup>139</sup> Kar. K a s z k o w s k i. Указ. соч., стр. 115.
- <sup>140</sup> P. S z m i e l o w s k i. Указ. соч., т. I, стр. 326.
- <sup>141</sup> Сводку биографических данных о нем см.: «Wiek XIX. Sto lat myśli polskiej», t. III. Warszawa, 1910, стр. 379—382.
- <sup>142</sup> Напечатано в кн.: «Poezye M. Goslawskiego». Лейпциг, 1864, стр. 230—231. — Под стихотворением обозначено: «1826 г. Одесса».
- <sup>143</sup> S. S z p o t a ń s k i. Указ. соч., стр. 151—152.
- <sup>144</sup> Kar. K a s z k o w s k i. Указ. соч., стр. 117.
- <sup>145</sup> ФРЛ, д. 39 (1825) «О служителях при доме Ришельевского лица», л. 9.
- <sup>146</sup> Там же, д. 34 (1824) «Об обревизовании счетных дел», лл. 3 и сл.
- <sup>147</sup> «Былое», 1925, № 4, стр. 159—160.
- <sup>148</sup> Г. В е р в е с. Адам Мицкевич в украинській літературі. Киев, 1952, стр. 32—33.
- <sup>149</sup> Kar. K a s z k o w s k i. Указ. соч., стр. 115—117.
- <sup>150</sup> ФРЛ, д. 30 (1825) «Об изъятии некоторых учебных книг из употребления в Ришельевском лицее и о запрещении ввозить иностранные», л. 3.
- <sup>151</sup> Там же, д. 21, л. 8; ср.: В е р ж б о в с к и й. К биографии А. Мицкевича..., стр. 34—35.
- <sup>152</sup> Там же, л. 14 (в этом деле сохранилась только копия заявления Мицкевича; подлинник находится в бывш. архиве Министерства народного просвещения); ср. В е р ж б о в с к и й. Указ. соч., стр. 35.
- <sup>153</sup> S. S z p o t a ń s k i пишет (указ. соч., стр. 151), будто Мицкевич пытался получить должность в Тифлисе, но это сообщение не находит никакого подтверждения в известных нам материалах.
- <sup>154</sup> Ср. И. Л. М а я к о в с к и й. Очерки по истории архивного дела в России, ч. I. М., 1941, стр. 223.
- <sup>155</sup> См. документы, опубликованные Вержбовским, стр. 36—41.
- <sup>156</sup> ФРЛ, д. 21, л. 10; ср. В е р ж б о в с к и й. Указ. соч., стр. 41.
- <sup>157</sup> ФРЛ, д. 21, л. 12; ср. В е р ж б о в с к и й. Указ. соч., стр. 41.
- <sup>158</sup> Соответствующие документы опубликованы Вержбовским в указ. соч., стр. 44—50.
- <sup>159</sup> Ad. M i c k i e w i c z. Korespondencya, t. I, стр. 8. Письмо это издатель ошибочно датирован 1824 г.—Интересно отметить, что опера Вебера, в которой широко использованы поэтические образы народного творчества, имела громадный успех у передовых, демократически настроенных слушателей. В частности, она была чрезвычайно популярна в среде декабристов (см. М. Ю. Барановская. Декабрист Николай Бестужев. М., 1954, стр. 33).
- <sup>160</sup> Опубликовано Г. Мосцицким «Przyczynek do pobytu filomatów w Odessie (1825)». — «Kwartalnik historyczny», 1905, стр. 64—67.
- <sup>161</sup> «Былое», 1925, № 4, стр. 157. — Автору этой публикации осталась неизвестной работа Мосцицкого, поэтому он недостаточно полно осветил причины, вызвавшие письмо в. к. Константина Павловича к Воронцову.
- <sup>162</sup> Там же, стр. 158.
- <sup>163</sup> ФРЛ, д. 21, л. 20.
- <sup>164</sup> Там же, л. 21. — У Вержбовского этот документ не опубликован. В «Былом» (стр. 159) опубликован отрывок из письма полицмейстера на имя Воронцова, составленного на основании донесения Дудровича.
- <sup>165</sup> Там же, л. 44; ср. В е р ж б о в с к и й. Указ. соч., стр. 43.
- <sup>166</sup> Опубликовано в «Былом», 1925, № 4, стр. 160.
- <sup>167</sup> Н. К. Ш и л ь д е р. Император Николай I, т. I. СПб., 1903, стр. 526.
- <sup>168</sup> Ф. Ф. В и г е л ь. Записки, ч. VI, стр. 137.
- <sup>169</sup> Ф. Ф. В и г е л ь. Указ. соч.; М. Д. Б у т у р л и н. Записки. — «Русский архив», 1897, № 5, стр. 19; см. также: «Архив Воронцова», т. 39, стр. 31, 155 и др.
- <sup>170</sup> Наиболее полная биография Собаньской дана Т. Г. З е н г е р в к н.: «Рукоя Пушкина». М.—Л., 1935, стр. 184—208. — Этот содержательный очерк посвящен в основном анализу отношений Собаньской с Пушкиным; ср. также: «Архив Раевских», т. II. СПб., 1909, стр. 311—314.
- <sup>171</sup> Ф. Ф. В и г е л ь. Указ. соч., ч. VII, стр. 184—185.
- <sup>172</sup> Т. Г. З е н г е р. Указ. соч., стр. 193.
- <sup>173</sup> Ф. Ф. В и г е л ь. Указ. соч., ч. VII, стр. 186.
- <sup>174</sup> Т. Г. З е н г е р. Указ. соч., стр. 193 и сл.; Н. П. Ч у л к о в. — Сборник биографий кавалергардов, т. II. СПб., 1904, стр. 453—454.
- <sup>175</sup> М. С. Ж и в о в. Указ. соч., стр. 32.
- <sup>176</sup> О Мицкевиче в салоне Собаньской см.: А ё г. Указ. соч., стр. 13.
- <sup>177</sup> «Русская старина», 1882, № 7, стр. 148—149. — Подлинник на французском языке. — Под «ними», конечно, надо понимать не «жителей польских губерний», а Мицкевича и Ежовского. Не вполне грамотный русский перевод должен был, очевидно, воспроизвести стиль неграмотного французского оригинала (до сих пор не опубликованного). Безграмотность Витта засвидетельствована Вигелем, писавшим не менее определенно: «...тем удивительнее казалось, что при его безграмотности,

он так сладко и так складно умел говорить» (Ф. Ф. Вигель. Указ. соч., ч. VI, стр. 136).

<sup>178</sup> Ср. «Красный архив», 1925, № 2, стр. 198.

<sup>179</sup> Ф. Ф. Вигель. Указ. соч., ч. VI, стр. 137.

<sup>180</sup> С. Ковбасюк. Шебелинское восстание (гл. I. Граф Витт и реформа военных поселений). — «Сборник научных работ исторического факультета Одесского гос. университета», т. II, 1947, стр. 42.

<sup>181</sup> Н. К. Шильдер. Император Николай I, т. I, стр. 238—239; его же. Император Александр I, т. IV. СПб., 1903, стр. 411.

<sup>182</sup> Н. П. Чулков. Сборник биографий кавалергардов, т. II, стр. 425.

<sup>183</sup> А. П. Заблоцкий-Десятовский. Граф Киселев и его время, т. I. СПб., 1882, стр. 243.

<sup>184</sup> «Красный архив», 1925, № 2, стр. 204, 205.

<sup>185</sup> ВД, т. VIII, стр. 42.

<sup>186</sup> Интересно отметить, что Витт, фиксируя внимание шпионов на Лихареве и Давыдове, наносил этим удар по своим личным врагам. Дело в том, что Лихарев попал временно на службу в военные поселения, где он, по его словам, «был окружен отбросами общества и в первый раз почувствовал весь ужас существования». Он написал записку о военных поселениях, с которой ознакомил В. Л. Давыдова (своего дядю), а Давыдов передал ее Пестелю. Лихарев написал даже письмо Александру I о военных поселениях, чтобы «раскрыть ему, насколько он обманут своими вероломными слугами и насколько страдают интересы народа» (ср. Семевский, стр. 175).

<sup>187</sup> Волковский, стр. 423—424.

<sup>188</sup> Л. Ретгелъ. Александр Пушкин. — «Звенья», III-IV, 1934, стр. 209—210;

A. Mickiewicz. Les slaves, t. III. Paris, 1849, стр. 289.

<sup>189</sup> L. Mickiewicz. Adam Mickiewicz, sa vie..., стр. 77; его же. *Zywot Adama Mickiewicza*, т. I, стр. 220.

<sup>190</sup> Мурзакевич. Указ. соч., стр. 70.

<sup>191</sup> «Красный архив», 1925, № 2, стр. 204—216.

<sup>192</sup> Там же, стр. 198.

<sup>193</sup> Агг (указ. соч., стр. 13) приписывает Собаньской следующие слова о Ежовском и Малевском: «ce sont des savants, mais ennuyeux à faire mourir».

<sup>194</sup> Агг. Указ. соч., стр. 13—16.

<sup>195</sup> *Matya z Mickiewiczów Gorecka. Ze wspomnień o moim ojcie.* — «Pamiętnik towarzystwa literackiego im Ad. Mickiewicza». Rocznik II. Lwów, 1888, стр. 238—240. Во французском оригинале (беседа между Мицкевичем и Виттом велась, как всегда, по-французски) содержится непереводимый каламбур: «mais, qui est donc ce monsieur? Je ne le croyais occupé qu'à prendre des mouches». — «Oh, il nous sert à prendre toutes sortes des mouches». — «Prendre des mouches» кроме буквального смысла «ловить мушек» (намек на энтимологические занятия Бошняка) значит также «сердиться по пустякам».

<sup>196</sup> L. Mickiewicz. *Zywot Adama Mickiewicza...*, т. I, стр. 226.

<sup>197</sup> Ad. Mickiewicz. *Dzieła*, т. VI (wyd Pini. Lwów), стр. 287.

<sup>198</sup> М. В. Нечкина. Общество Соединенных Славян. М.—Л., 1927, стр. 70.

<sup>199</sup> ВД, т. VIII, стр. 92.

<sup>200</sup> «Былое», 1925, № 4, стр. 160.

<sup>201</sup> ФРЛ, д. 21, л. 75; ср. Вержбовский. Указ. соч. стр. 51.

<sup>202</sup> Малиновский (см. отрывки из его воспоминаний, напечатанных в «Kogenerendenci», т. IV, стр. 9) рассказывает: «Повозвращения в Одессу, Мицкевич был окружен все возраставшей толпой поклонников; об этом дошел слух до Вильны, и Пеликан (ректор Виленского университета, главный враг филаретов) донес об этом Новосильцову». Как правильно указал А. Л. Погодин (Адам Мицкевич. Его жизнь и творчество, т. I, стр. 348), эта версия находится в полном противоречии с фактами.

<sup>203</sup> ФРЛ, д. 2, л. 64; ср. Вержбовский. Указ. соч., стр. 57.

<sup>204</sup> Агг говорит (указ. соч., стр. 40), что Мицкевич уехал из Одессы 10 ноября утром. Это, конечно, неверно. Витт в своем допесении от 17 декабря писал, что Мицкевич «отправлен из Одессы в Москву» 12 ноября (Ф. Вержбовский. Указ. соч., стр. 58). Но трудно представить себе, что Мицкевичу удалось выехать в тот самый день, когда была вышлана подорожная. В те времена обычно отправлялись в дальнюю дорогу с раннего утра. Скорее всего он выехал через день-два.

<sup>205</sup> См. Д. Б. Кадельсон. Указ. соч., стр. 206.

<sup>206</sup> С. С. Советов. Указ. соч., стр. 130.

<sup>207</sup> А. Мицкевич. Собр. соч., т. III. М., 1952, стр. 285.—Послание «Русским друзьям», запрещенное царской цензурой, было хорошо известно русским революционерам. Еще при жизни Мицкевича оно было переведено петрашевцем Момбелли (см. «Дело петрашевцев», т. I. М., 1937, стр. 296).